ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

№ 38 (674)

Литературная газета

Четверг, 15 июля 1937 г. ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР. Цена 30 коп.

Экипаж самолета «АНТ-25» блестяще завершил перелет Москва—Северный полюс—Соединенные Штаты Америки. Установлен новый мировой рекорд дальности полета по прямой.

Привет славным сынам нашей родины, сталинским питомцам—товарищам Громову, Юмашеву, Данилину!

Сыны великой родины

Мы привыкли к великим и героическим делам.

Мы привыкли к тому, что строй предприятий социалистической промышленности пополняется непрерывно новыми гигантами замечательной индустриальной техники, к тому, что земледельческий труд, еще два десятка лет назад бывший каторжной страдой голодных людей и тощих коняг, ныне оснащен богатейшей сельскохозяйственной техникой и стал делом чести и славы миллионов свободных, зажиточных колхозников.

Привычным стало то, что осваиваются и расцветают огромные необжитые пространства страны, что в ледяные надземные просторы поднимаются советские стратостаты, что один за другим побиваются нашими летчиками международные авиационные рекорды, что советские корабли бороздят вчера еще недоступные арктические моря.

Рекорды сталеваров, колхозниц-тысячниц, производственные подвиги шахтеров и лесорубов, бетонщиков и комбайнеров стали присущи социалистическому труду, как органическое его свойство. Естественным и закономерным представляется нам триумф наших музыкантов на международных конкурсах, успех наших кинокартин за границей, всеобщее восхищение советским павильоном на Парижской выставке. Мы привыкли к тому, что республика за республикой нашего Союза приносят в Москву дары своего чудесного искусства, творческую радость вчера еще закабаленных капитализмом народов.

Несчастный случай с кораблем, раздавленным арктическими льдами, история гибели «Челюскина» и спасения его экипажа раскрыла перед потрясенным миром величественную эпопею легендарного бесстрашия и подлинного гуманизма. Этот новый социалистический гуманизм находит блестящее выражение в благородной и щедрой помощи женщинам и детям Испании, организованной миллионами советских людей.

Все это—каждодневная наша действительность, великое и героическое пронизывает наши дела и дни, в этом — стиль нашей страны.

Победа социализма — окончательная и бесповоротная — раскрыла такие источники народной силы, таланта, творческой энергии, мужества, настойчивости, которых не знала история человечества.

Великий советский народ, в тяжелых боях с врагами построивший социалистическое общество, стал народом-героем, носителем подлинной культуры и великого социалистического гуманизма, водителем всего передового, прогрессивного человечества. Он пролагает новые пути науки, прочно завоевывая полюс, посылая четверку отважных исследователей на дрейфующую льдину в центре полярного бассейна. Он соединяет Старый и Новый свет новой воздушной трассой, совершая революцию в транспортных связях мира. Он показывает всему трудящемуся человечеству пути освобождения, творческую мощь раскрепощенного народа.

Большевик — это слово стало синонимом новой могучей силы, пришедшей в мир и перестраивающей его во имя счастья всего человечества.

И каждый день наша страна своими делами утверждает в сознании сотен миллионов людей историческую правоту идей коммунизма и вдохновляет борьбу за их всемирную победу.

Воспитанные Лениным и Сталиным, предводительствуемые великой коммунистической партией, преданные до конца своей родине, беспощадные к ее врагам, советские люди с честью несут высокое звание бойцов ударной бригады мировой социалистической революции.

Лето тысяча девятьсот тридцать седьмого года принесло новые победы советской страны.

Героическая экспедиция Шмидта, беспосадочные перелеты через полюс из Москвы в США Чкалова и Громова с их товарищами вписали новые замечательные страницы в историю человеческого прогресса, в историю побед человека над природой.

Открытие навигации по каналу Волга—Москва, являющемуся чудом инженерного искусства и архитектуры социализма, демонстрирует ничем не ограниченные творческие возможности советского государства и социалистического народа в деле строительства новой, счастливой, разумной и радостной жизни.

Столетняя проблема снабжения огромного города, столицы великой страны, чистой и свежей водой, проблема судоходства по Москва-реке решена большевиками путем создания одного из самых величественных гидротехнических сооружений эпохи.

Величайший памятник социалистического строительства, канал Волга — Москва отражает, подобно московскому метро, подобно Днепровской гидростанции, величайшую заботу партии и правительства о человеке, об удовлетворении его насущных нужд и культурных запросов, о создании для советских людей новых культурных условий существования.

Это великолепное сооружение, прекрасно построенное в кратчайший срок, — одно из замечательных звеньев огромной системы мероприятий, делающих жизнь советского человека радостной и счастливой.

Волжские воды подведены к Москве, они питают столичный водопровод, 128 километров судоходного канала готовы к принятию огромного грузопотока в 15 миллионов тонн и более. Закончены грандиозные земляные, гидротехнические, бетонные, строительные работы, возведены красивые здания гидростанций, речных вокзалов, построены мосты.

Простое и смелое решение труднейшей задачи строительства канала найдено гениальным умом вождя социалистических народов.

Замечательные победы сталинских пятилеток, мощь социалистической промышленности, огромный опыт строительства — вот что было важнейшими предпосылками успешного развертывания великих работ. Решила, как везде и всегда, революционная воля и могучая энергия большевиков, вдохновлявших огромную армию строителей, до конца преданных делу строительства социализма.

На канале обрели свою новую жизнь десятки тысяч бывших правонарушителей, которые были захвачены героическим трудом строителей, заражены их энтузиазмом и в процессе творческого труда сумели искупить свою вину перед родиной и социалистическим обществом.

Канал проектировали наши советские инженеры, его строили советские строители, использовавшие и создавшие в процессе стройки передовую технику, разработавшие и реализовавшие ряд ценнейших и остроумных усовершенствований и изобретений в области строительной техники.

Повседневное внимание к строительству со стороны товарища Сталина, боевая энергия и самоотверженная работа руководителей строительства во главе с т. М. Берманом и С. Жуком обеспечили завершение этого крупнейшего строительства второй пятилетки в рекордно короткий срок при высоком качестве всех работ и материалов.

Несокрушимая революционная воля строителей, их преданность партии и советской власти преодолели все трудности, разгромили вражеское сопротивление, нанесли сокрушительные удары по попыткам гнусного вредительства оголтелых врагов народа. Подлые происки врагов были разоблачены славными большевиками наркомвнудельцами и их боевым руководителем Н. И. Ежовым.

Успешное завершение работ по строительству канала Волга—Москва еще и еще раз показывает, что нет таких крепостей, которых большевики не могли бы взять.

Советские люди, партийные и непартийные большевики, победно решают все более сложные, трудные и грандиозные задачи.

В основе этих побед лежит великая, преданная и самоотверженная любовь советского человека к своей родине, к партии Ленина—Сталина, воспитавшей и выпестовавшей тысячи и десятки тысяч героев нашей страны. В великолепных делах передовых бойцов и деятелей социализма выражается рост нового социалистического человека, рожденного сталинской эпохой, взращенного Великой пролетарской революцией в СССР.

Новый человек — человек коммунистической, сталинской складки и закалки — ведет наши корабли и самолеты в неизведанных просторах; он строит прекрасные города и заводы в тайге, он героически защищает границы нашей страны от капиталистического врага.

Новый человек, овладевший и до конца использующий могучую технику социализма, создает величественные сооружения, переделывает природу, покоряет ее силы и ставит их на службу новому обществу. В напряженном и вдохновенном труде, громя и уничтожая всех врагов народа, предателей и изменников родине, человек эпохи социализма утверждает победу социалистического строя.

Великое счастье — жить и работать в нашей стране, вместе со всем советским народом творить новую радостную жизнь, бороться за счастье трудящегося человечества и побеждать в этой борьбе! Великое счастье — в рядах отважных бойцов, героев социалистической эпохи, передовых людей человечества, утверждать торжество коммунизма!

Экипаж самолета «АНТ-25». Слева направо — Герой Советского Союза тов. **М. М. Громов**, штурман тов. **С. А. Данилин** и второй пилот тов. **А. Б. Юмашев** (Союзфото).

Соединенные Штаты Америки
Штат Калифорния, Марчфильд.

Экипажу самолета «АНТ-25» товарищам ГРОМОВУ, ЮМАШЕВУ, ДАНИЛИНУ

Поздравляем с блестящим завершением перелета Москва — Северный полюс — Соединенные Штаты Америки и установлением нового мирового рекорда дальности полета по прямой.

Восхищены вашим героизмом и искусством, проявленными при достижении новой победы советской авиации.

Трудящиеся Советского Союза гордятся вашим успехом.

Обнимаем вас и жмем ваши руки.

И. СТАЛИН, В. МОЛОТОВ, К. ВОРОШИЛОВ, В. ЧУБАРЬ, М. КАЛИНИН, Л. КАГАНОВИЧ, С. КОСИОР, А. МИКОЯН, А. АНДРЕЕВ, А. ЖДАНОВ, Н. ЕЖОВ, М. РУХИМОВИЧ, В. МЕЖЛАУК, Н. ХРУЩЕВ, Я. АЛКСНИС, О. ШМИДТ, Н. БУЛГАНИН, А. ТУПОЛЕВ.

СООБЩЕНИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ КОМИССИИ ПО ОРГАНИЗАЦИИ И ПРОВЕДЕНИЮ БЕСПОСАДОЧНОГО ПЕРЕЛЕТА МОСКВА — СЕВЕРНЫЙ ПОЛЮС — СЕВЕРНАЯ АМЕРИКА

Задание тов. Сталина и Правительства Союза ССР по беспосадочному полету Москва — США через Северный полюс блестяще выполнено, с установлением нового мирового рекорда дальности полета.

Экипаж самолета «АНТ-25» в составе командира экипажа Героя Советского Союза тов. **Громова М. М.**, второго пилота — майора тов. **Юмашева А. Б.** и штурмана—военинженера III ранга тов. **Данилина С. А.**, вылетев 12 июля 1937 года в 3 часа 21 мин. по московскому времени со Щелковского аэродрома (близ Москвы), пролетел по следующему маршруту: Москва — о. Колгуев — м. Столбовой (Новая Земля) — Земля Франца Иосифа — Северный полюс — о. Патрика — о. Бенкса. Далее самолет пошел вдоль 120 меридиана по территории Канады, пересек Скалистые горы и вышел на побережье Тихого океана близ Сиэттля. Дальнейший маршрут перелета — побережье Тихого океана через Сан-Франциско и Лос-Анжелос.

14-го июля самолет сделал посадку на полпути между Лос-Анжелосом и Сан-Диего близ города Сан-Джасинто (штат Калифорния).

Самолет был в воздухе 62 часа 17 мин.

Расстояние между точкой взлета и точкой посадки по прямой, с учетом прохождения самолета через о. Колгуев и м. Столбовой, превышает 10.200 клм.

Пройденный самолетом воздушный путь равен, примерно, 11.500 клм.

За время полета самолет прошел над океанами, морями и льдами более 5.500 клм.

Самолет вылетел из Москвы при благоприятных метеорологических условиях, но уже от Загорска летел над сплошными облаками, туманами и принужден был пересекать два раза сплошную облачность, идя, временами, слепым полетом. По выходе в Карское море самолет встретил хорошую погоду и экипаж мог видеть о. Колгуев и Новую Землю (где спортивными комиссарами была произведена фиксация пролета самолета над этими точками).

Начиная от Земли Франца Иосифа самолет шел над туманами и сплошной облачностью и пересек циклон в районе 85—86 параллели, пробивая облака на большой высоте в слепом полете. Из циклона самолет вышел в районе Северного полюса. До Северного полюса самолет летел при встречных ветрах до 30—40 клм. в час.

От Северного полюса до Южной Канады самолет летел при благоприятной погоде и при попутных ветрах. Дойдя до Скалистых гор по 120 меридиану, самолет пересек их при мощной облачности и ливнях. Начав обледеневать, самолет резко изменил курс и вышел на побережье Тихого океана. Дальнейший полет происходил в условиях сплошной облачности и туманов вплоть до Лос-Анжелоса.

В этом перелете экипаж проявил исключительный героизм, высокое мастерство, выдержку и блестящие знания материальной части.

Экипаж провел весь перелет с предельно-возможной четкостью, сумев достичь невиданной дальности беспосадочного полета, значительно превосходящей все известные в истории авиации рекордные перелеты на дальность.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ КОМИССИЯ ПО ОРГАНИЗАЦИИ БЕСПОСАДОЧНОГО ПЕРЕЛЕТА.

14/VII—1937 г.

Советские писатели приветствуют сталинских питомцев

Сегодня вся наша страна с величайшей радостью празднует две большевистские победы:

Открытие канала **Волга—Москва**, гордости второй сталинской пятилетки, и героический перелет Москва — Северный Полюс—Северная Америка, совершенный сталинскими соколами во главе с **Михаилом Громовым.**

Еще не умолкли радостные рукоплескания всего передового человечества в связи с отважными полетами на Северный Полюс и прекрасным перелетом трех Героев Советского Союза во главе с **Валерием Чкаловым,** как новые достижения наполняют сердца советских людей радостью за наших героев.

Канал открыт! Волжские воды покорно пошли к Москве.

Северный полюс и «полюс неприступности» покорены советскими летчиками. Наши машины, управляемые отважными сынами великой нашей родины, теперь пойдут по точному расписанию.

Мы, писатели советской родины, приветствуем вас, сталинских питомцев, и вместе со всем советским народом гордимся вашими победами.

Привет вам, товарищи!

По поручению Союза советских писателей:

Всеволод ИВАНОВ,
Гасем ЛАХУТИ,
Николай ТИХОНОВ.

Н. ВИРТА

Великие люди великой эпохи

Отважные сыны моей родины, храбрые сталинские питомцы пронесли с собой с одного материка на другой, через льды, стужу, туманы славу и честь нашей великой страны социализма.

Одна победа величественнее другой. И сколько их еще впереди, потому что Громов, Юмашев, Данилин, Водопьянов, Чкалов, Беляков и Байдуков, воспитанные партией и Сталиным (в этом имени все наше настоящее и все наше будущее), не одиноки,—много героев и отважных людей воспитала наша страна, и нет предела их мужеству, их настойчивости и воле!

Великие люди великой эпохи!

НАГРАЖДЕНИЕ РАБОТНИКОВ СТРОИТЕЛЬСТВА КАНАЛА МОСКВА — ВОЛГА И ЗАВОДОВ-ПОСТАВЩИКОВ

Центральный Исполнительный Комитет СССР постановил за выдающиеся успехи в деле строительства канала Москва-Волга наградить **ОРДЕНОМ ЛЕНИНА** 42 участника строительства канала, в том числе зам. главного инженера строительства **В. Д. Журина,** секретаря парткома строительства и Дмитровского райкома ВКП(б) **М. И. Марчука,** зам. начальника ГУЛАГа НКВД СССР **И. И. Плинера,** зам. начальника Дмитлага НКВД **Д. В. Успенского** и друг.; **ОРДЕНОМ КРАСНАЯ ЗВЕЗДА** — 25 работников, в том числе начальника строительства **М. Д. Бермана** (ранее награжденного орденом Ленина), главного инженера строительства **С. Я. Жука** (ранее награжденного орденом Ленина), быв. начальника строительства, ныне зам. Наркомлеса Союза ССР **Л. И. Когана** (ранее награжденного орденом Ленина) и друг.; **ОРДЕНОМ ТРУДОВОЕ КРАСНОЕ ЗНАМЯ** — 208 строителей, в том числе бывш. секретаря парткома строительства **М. В. Никитина,** ст. архитектора Центрального района **А. Л. Пастернака** и друг.; **ОРДЕНОМ ЗНАК ПОЧЕТА** — 129 строителей. Среди награжденных — много рабочих, инженеров и руководителей заводов-поставщиков великой стройки.

НАГРАДЫ И ЛЬГОТЫ ДЛЯ СТРОИТЕЛЕЙ КАНАЛА МОСКВА — ВОЛГА

В связи с окончанием в установленный правительством срок строительства канала Москва — Волга и передачей его в эксплоатацию, Центральный Исполнительный Комитет и Совет Народных Комиссаров СССР **постановили:**

1. Предложить Наркомвнуделу СССР наградить ценными подарками и денежными премиями отличившихся на строительстве вольнонаемных работников.

2. Установить для строителей канала Москва—Волга специальный нагрудный знак.

3. Предложить Наркомвнуделу СССР представить в ЦИК СССР списки бывших заключенных, добровольно оставшихся для работы на канале по вольному найму, особо отличившихся на строительстве канала Москва—Волга, для снятия с них судимости.

4. Досрочно освободить за ударную работу на строительстве канала Москва—Волга 55.000 заключенных.

Обязать ВЦСПС принять меры к скорейшему их устройству на работу.

5. Предложить Наркомвнуделу СССР при освобождении заключенных за ударную работу на строительстве канала Москва—Волга выдавать им, кроме специальных удостоверений, свидетельствующих об их работе на канале Москва—Волга, также проездные билеты и денежные награды в размере от 100 до 500 рублей.

М. ЛЫНЬКОВ,
П. ГОЛОВАЧ

Привет мужественным и смелым!

Еще не умолк победный рокот мотора легендарного самолета Чкалова, Байдукова и Белякова.

Отзвуки его мы слышим из далекой заокеанской страны.

Перевоплощенные в слова приветствий, в дружеские речи, в выражения горячих симпатий американского народа к народу советскому, эти могучие отзвуки волнуют и радуют нас сознанием исключительной победы высокого мужества, невиданной энергии людей нашей страны, победы нашей советской техники.

Закрепляя победу, новый корабль Громова, Юмашева и Данилина поднимается в воздух.

Сталинские соколы ведут его по трассе героев — через Северный полюс, через пустыни Арктики в далекую Америку.

В освоении наикратчайшего пути между этими странами — успех сближения двух великих народов для дела мира, для подлинного прогресса человечества.

Привет мужественным и смелым, привет героям!

Минск. По телефону.

В. ИЛЬЕНКОВ

Литература должна отразить чудесные победы советских пилотов

Уже второй трансарктический перелет Москва — США. За ним будет третий, четвертый...

Вчера еще невозможное, граничащее с фантастикой, сегодня стало фактом, удивившим мир, а завтра станет будничным, повседневным делом.

Ну, а как же мы, писатели, откликаемся на эти величайшие события нашей эпохи?

Недавно мне пришлось беседовать с одним из виднейших летчиков нашей страны — т. Костанаевым.

— Все, что написано о нас, людях воздуха, большей частью наивно, — говорит летчик. Нас изображают не как людей, которым свойственны все переживания и чувства, а как автоматов, не знающих ни восторга в удаче, ни страха... Да, нам тоже бывает страшно. Правда, мы справляемся с этим чувством, побеждаем его усилием воли, — но разве это дается легко и просто? Не показаны и те новые чувства, которые свойственны только тем, кто сражается с воздушной стихией и неведомы пешеходам. Никто еще не заглянул в нашу душу... Из всей авиационной художественной литературы я с удовольствием и волнением читаю лишь Коллинза...

Лучшие силы нашей советской литературы стоят пока в стороне от этой темы, но так как интерес к людям воздуха велик, наши журналы наполняются наспех состряпанными, недоброкачественными очерками.

В этом сказалась и «работа» контрреволюционной троцкистской, авербаховской шайки на литературном фронте: они всячески травили «технику» в литературе, обвиняли писателей в «техницизме», и в то же время ориентировали литературу на такое гнилье, как «Рождение героя».

Героические полеты через Северный полюс советских летчиков, вошедшие навсегда в историю человечества, должны найти свое достойное отражение в литературе.

Это — наш долг и наша обязанность.

М. РЫЛЬСКИЙ

Воля, мысль и мужество большевика

В детстве я мечтал быть авиатором. Никто из взрослых людей, — как известно, всегда бестолковых и непонятливых, — не догадывался, что мальчишка, качающийся на зеленой ветке невысокого дубка, — вовсе не мальчишка, а известный завоеватель воздуха, а дубок — совсем не дерево, а изобретенный этим завоевателем воздухоплавательный аппарат.

И какие же прелестно-глупые мечты реяли тогда в головенке «завоевателя воздуха»! И не знал он тогда, что эти мечты — ничто в сравнении с той действительностью, которую ему, счастливому, придется увидеть!

Авиатора из меня, как известно, не вышло.

Выросши, я оказался самым сухопутным, самым привязанным к твердой земле из людей. Но веселый шум пропеллера, но величавые крылья самолета всегда будят во мне какое-то сладостное чувство, чувство глубочайшего преклонения перед великолепной волей, мыслью и мужеством человека.

Помню 1915 год. Нас, гимназистов, распустили на каникулы.

Я сижу на берегу серебряно-зеленого пруда и ужу карпов.

Вдруг слышу в воздухе шум: аэроплан. О, тогда это зрелище вызывало нерадостные чувства! Это был символ кровопролитной, омерзительной бойни народов.

Наш аэроплан — символ творчества, символ прекрасного советского патриотизма. Наш летчик — это человек, оберегающий священные границы советов, это человек, делающий нашу жизнь более удобной, более легкой, более красивой.

Это человек, по мудрому слову Сталина завоевывающий Северный полюс, по мудрому слову Сталина совершающий беспримерные в истории человечества перелеты по кратчайшему пути из СССР в США.

Наша эпоха, наша страна — героическая эпоха и героическая страна. Мы даже иногда и удивляться не успеваем тем чудесам, которые вокруг нас творятся.

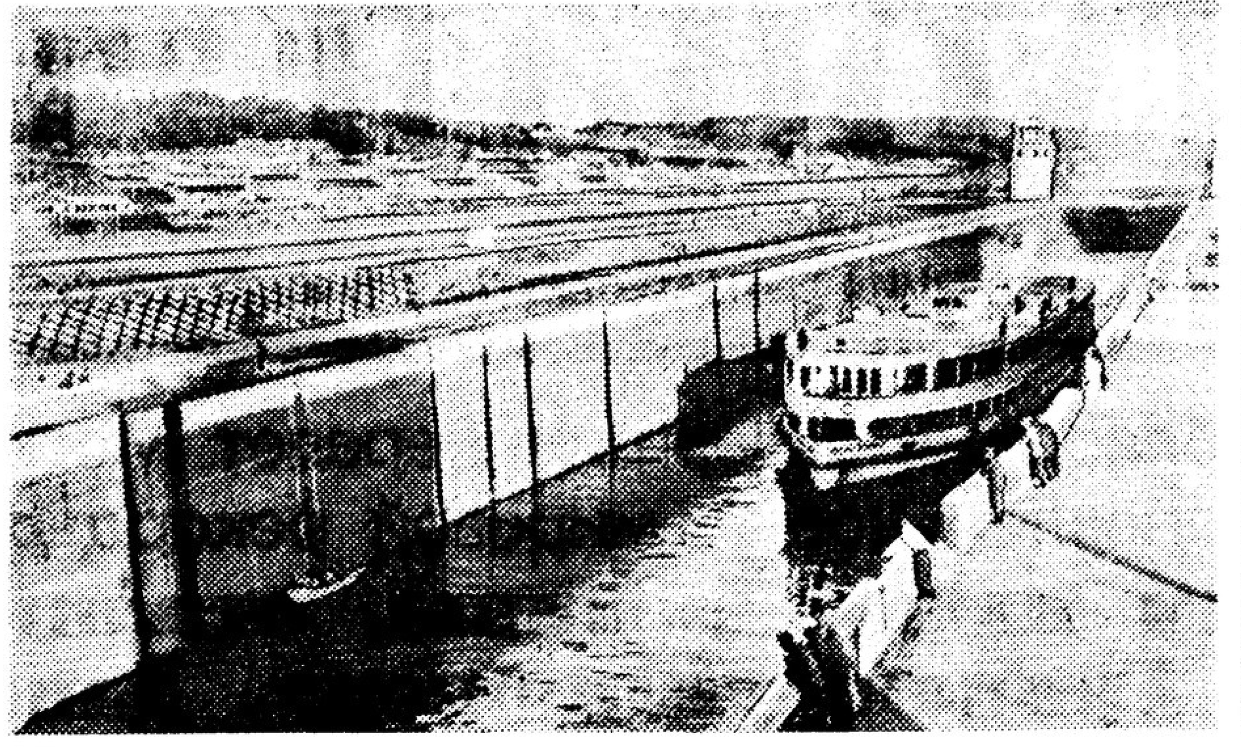
Стахановское движение, неслыханный рост индустрии, громадный под'ем сельского хозяйства, великолепный расцвет наук и искусств, гигантские победы авиации, уверенная и несокрушимая мощь Красной армии — все это, ведь, разные стороны одного явления, имя которому: героика страны победившего социализма.

Слава героям, слава стране, слава партии, слава вождю!

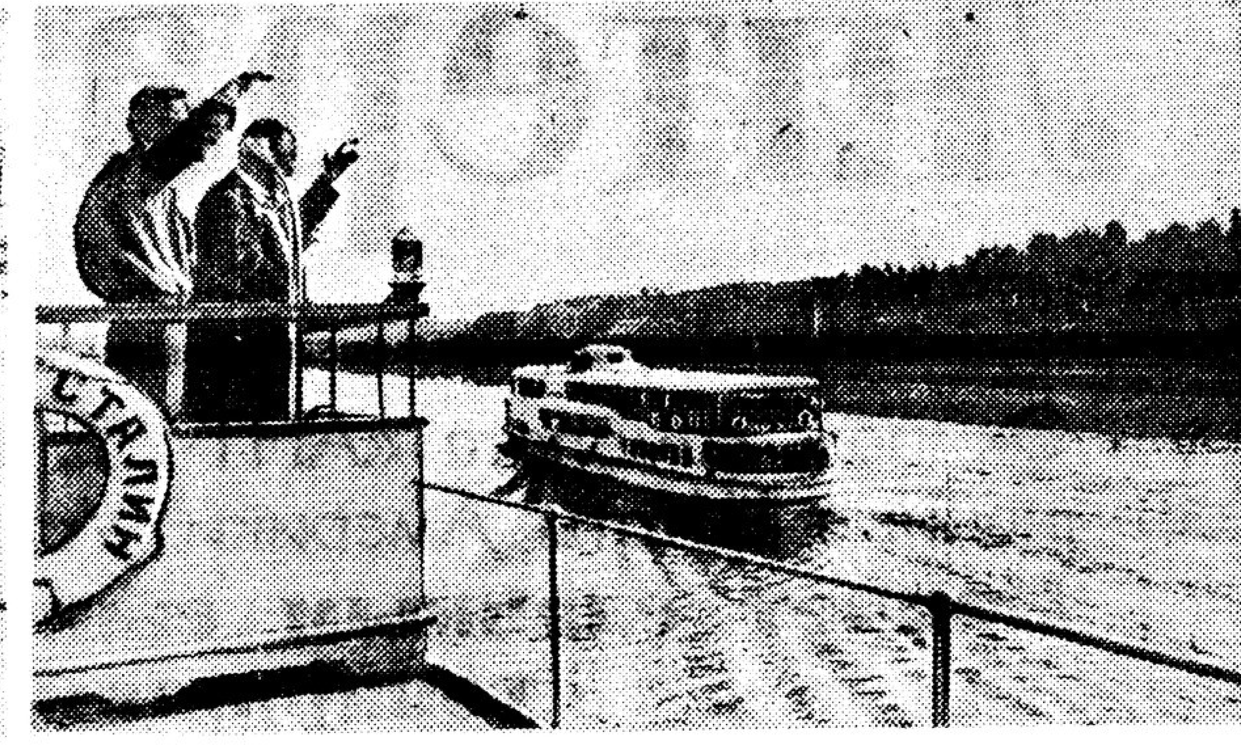
И теперь есть мальчики, качающиеся на ветвях и мечтающие быть летчиками, путешественниками, завоевателями просторов. Многие из них увидят осуществление своих грез.

Какие прекрасные примеры у них перед глазами!

Киев.

Навигация на канале Москва—Волга. Теплоход «Иосиф Сталин» в Яхромском шлюзе.

Пассажиры теплохода «Иосиф Сталин» приветствуют встречный катер «Молоков».

ВЕЛИЧЕСТВЕННОЕ СООРУЖЕНИЕ СТАЛИНСКОЙ ЭПОХИ— КАНАЛ МОСКВА—ВОЛГА ОТКРЫТ! ПРИВЕТ БОЕВЫМ РУКОВОДИТЕЛЯМ СТРОЙКИ И ВСЕМ СТРОИТЕЛЯМ КАНАЛА!

Нам есть чем гордиться!

★ А. НОВИКОВ-ПРИБОЙ ★

Несколько дней назад я совершил интереснейшую прогулку по каналу Москва — Волга.

Этот крупнейший в мире канал— замечательнейший памятник великой сталинской эпохи, которым гордится наша цветущая родина.

Я видел известные всему миру каналы Кильский и Суэцкий, которые были построены капиталистами зарубежных стран. Каналы эти строились десятки лет, здесь гибли тысячи рабочих, здесь наживались десятки международных спекулянтов.

Замечательный канал Волга — Москва, так же как и наш московский метрополитен, отличается от заграничных сооружений совершенно исключительной красотой.

Почти трехсотметровые шлюзы, башни управления, речные вокзалы, в частности Химкинский речной вокзал, — это произведения искусства советских архитекторов.

В гранит и мрамор одеты башни, шлюзы и вокзалы. Все украшено великолепными работами наших крупнейших скульпторов.

За четыре года доблестные строители завершили грандиозное строительство канала Волга — Москва протяжением 128 километров.

И вот теперь знатные люди канала, чей труд был делом чести, делом славы, доблести и геройства, пришли к победоносному финишу.

15 июля 1937 г. — одна из знаменательнейших дат нашей исключительной эпохи, одна из тех дат, которые золотыми буквами вписываются в историю нашего могучего Советского Союза.

Нам есть чем гордиться! Наши люди и наши дела, наша непреклонная воля к мировому торжеству коммунизма победят все препятствия, ибо нет таких крепостей, которых большевики не могли бы взять.

Впереди у нас — еще много грандиозных работ, и мы их осуществим.

Осуществим со скромностью, энтузиазмом и упорством, с какими было осуществлено сооружение величайшего в мире канала Волга — Москва.

Праздник в честь окончания строительства канала Москва—Волга

Сегодня начинается нормальная эксплоатация канала Волга—Москва. В парках столицы в честь окончания строительства состоятся массовые гулянья.

Флотилия из 44 судов сегодня в 19 часов доставит к набережной Центрального парка культуры и отдыха им. Горького лучших стахановцев — строителей канала.

На набережной Москва-реки их будут встречать делегаты трудящихся Москвы.

На территории парка инженеры, техники, стахановцы, создавшие канал — это грандиозное сооружение сталинской эпохи, — проведут беседы с посетителями парка. Они расскажут им, как строился канал, покажут макеты его сооружений.

В 20 часов в Зеленом театре состоится вечер встречи строителей канала с трудящимися столицы.

Большое массовое гулянье состоится сегодня и в Измайловском парке культуры и отдыха им. Сталина.

Территория парка празднично украшена.

Здесь строители канала встретятся с рабочими и инженерно-техническим персоналом заводов Сталинского района, которые поставляли оборудование и строительные материалы для канала Москва—Волга.

Вечером на пруду состоится карнавальное шествие на лодках.

В заключение будет зажжен грандиозный фейерверк.

МОСКВА—ВОЛГА

★ С. ЩИПАЧЕВ ★

Мы везде:
Мы гнемся в низком штреке,
Варим сталь, над картою стоим.
Проведем карандашом, — и реки
Ринутся, куда укажут им.

Сносим горы. Скалы — в пыль,
в осколки!
И колышут, миновав поля,
Голубые воды Волги
Отражение Кремля.

На канале

(Записи из путевого дневника)

В открытом окне автобуса блеснул шпиль речного вокзала.

«У Москвы теперь тоже есть своя адмиралтейская игла», заметил кто-то из пассажиров.

Мы под'ехали к химкинскому порту.

Первый корабль, который мы здесь увидели, было само здание вокзала. Непохожее ни на один из московских вокзалов, оно скорее напоминало судно с носом и кормой. Идущие вдоль всего здания легкие арочные террасы походили на корабельные палубы. Пройдя нижней террасой, мы спустились по широкой гранитной лестнице к пристани.

Над синей озерной водой носились чайки.

На трапе мы пред'явили билеты. На них написано: «Москва—Волга канал, местное сообщение, Химки—Калинин». Маленькие кусочки сероватого картона, какие выдаются обычно в любой железнодорожной кассе. Но они говорят о миллионах кубометров вынутой земли и уложенного бетона, об окончательном завершении смелого плана и грандиозных усилий человеческого ума и воли.

2 часа дня.

Свежий ветер треплет на носу теплохода бело-голубой вымпел с буквами «М.-В.» (Москва—Волга). Тучи застилают горизонт свинцовой мглой. Первые капли дождя уже стучат по тенту. Но никто из пассажиров не собирается уходить в каюты. Они перетаскивают ближе к носовой части новые плетеные кресла, чтобы, расположившись в них, любоваться каналом.

Среди экскурсантов — группа рабочих Ленинградского оптико-механического завода. Они вооружены новейшими призматическими биноклями собственного производства. Не отрывая глаз от биноклей, ленинградцы внимательно изучают сооружения канала.

Мы проходим под первым арочным мостом, переброшенным через канал. Вслед за ним начинается участок канала, причинявший больше всего забот его строителям. На протяжении 8 километров здесь пришлось вынуть девять миллионов кубометров грунта.

Дождь усилился. По наклону палубы потекли ручейки. Но это нисколько не смущает экскурсовода, развешивающего схемы канала, чтобы начать свою лекцию. Одна из схем загородила застекленную часть палубы. «Нет, только не сюда, — раздались протестующие голоса, — не закрывайте мертвой схемой живой канал!».

Лекция была выслушана с большим вниманием.

Потом начались вопросы. Какова глубина канала? Когда откроется грузовое движение? Водится ли рыба в канале?

Вместо ответа на последний вопрос лектор предложил взглянуть на берег. Там уже расположился рыболов, закинувший свою удочку. В канале, в нескольких километрах от Москвы стали попадаться небольшие стерлядки, пробравшиеся сюда из Волги.

Берега канала уже оделись сочной травой, которая пробивается даже сквозь цементные плитки откосов. Это делает канал похожим на естественную реку, только на реку без извилин и излучин, прямую и широкую, как автострада. Но эта река не имеет течения и ее поверхность кажется неподвижной. Встревоженная винтом теплохода, она образует волны только за его кормой. Разбегаясь к берегам, волны ложатся ровными завитками, как на шкатулках палешан.

«Не загрязняйте канал, несущий воду пролетарской столице», — так говорят надписи, развешанные в разных местах теплохода. И пассажиры не выбрасывают за борт даже обгорелой спички. Это прекрасное сооружение внушает к себе такое же бережное отношение, как и московское метро.

5 часов 30 минут.

Шлюз № 6 — первый шлюз на нашем пути. Ворота уже открыты.

«Теплоход «Иосиф Сталин», швартуйте по ходу!» — раздается усиленный радиорупором голос диспетчера.

Шлюзование продолжалось 15 минут.

Мы опустились на 8 метров.

«Теплоход «Иосиф Сталин», выход из шлюза свободен!» — снова раздается голос диспетчера.

Каждый шлюз, как и станции метро, оформлен по-разному. На башнях одного возвышаются скульптурные группы, на другом, как например, на шлюзе № 4, монументальные модели несущихся под бронзовыми парусами кораблей.

На канале заметное движение. Буксирный катер «Иван Мичурин» ведет за собой землечерпалку. С левого борта мы разминулись с теплоходом «Вячеслав Молотов». Его пассажиры аплодировали нашей плясунье Агафье Мироновне — старой московской ткачихе. В этот момент на корме она запевала под гармонь частушку:

«Не хотела я плясать,
Не хотела выходить,
Гармонист очень хороший, —
Ему надо угодить».

Вечер... В воде еще не погасли отсветы закатного неба, но сигнальные огни канала уже зажглись. Они загораются автоматически, с наступлением сумерок, от действия фотоэлементов и гаснут с наступлением утренней зари. Справа красные, слева — зеленые. Сигнальные столбы освещаются оранжевым светом неоновых трубок. Их отражения падают в воду длинными восклицательными знаками. Поднимающиеся из-под винта теплохода волны превращают эти неподвижные отражения в игру огненных спиралей.

В ресторане теплохода закончены приготовления к ужину. Студент института инженеров общественного питания Паточкин заправляет блюда и отдает последние распоряжения по кухне. У него двадцатипятилетний поварской стаж. В будущем году он готовится защищать дипломный проект о переустройстве кухонь на советских теплоходах.

2 часа ночи. Многие пассажиры еще не спят. Они хотят прежде увидеть Волжское водохранилище, которому дано название «Московского моря».

Последний шлюз пройден. Канал приближается к концу. Предрассветную мглу тревожат яркие лучи маяка аванпорта.

Ориентируясь по ним, «Иосиф Сталин» выходит в Московское море. Легкий туман стелется над водой. Яркие огни гидростанции помогают разглядеть мощный массив Иваньковской плотины. Гигантские статуи Ленина и Сталина еще закрыты лесами. Леса будут сняты в день официального открытия навигации.

На носовой палубе столпилась группа пассажиров. Среди них бывший строитель канала. Он работал на этом строительном участке и хорошо знает дно Московского моря. «Вот здесь был город Корчева», — говорит он, показывая рукой на широкий водный простор. — «А вон там, если бы не было темноты и такого тумана, вы могли бы разглядеть выступающую из воды трубу паровой мельницы».

Мы проплываем мимо новых островов, покрытых густым лесом. Это будущие заповедники. Их очертания теряются в тумане.

Дальше уже — Волга. Матрос, служивший раньше на волжских пароходах, а теперь плавающий по каналу, со смехом говорил нам: «В этих местах куры переходили Волгу вброд. А теперь здесь может пройти любая баржа с глубокой осадкой».

Туман все больше сгущается. Теплоход стопорит машины.

Впереди последняя остановка — Калинин.

Р. ПЕРЕСВЕТОВ.
ОЛЕГ ЭРБЕРГ.

Радостный праздник молодости

Одиннадцать союзных республик выступили на физкультурном празднике 12 июля на Красной площади. Это была красочная живая иллюстрация к великой Сталинской Конституции, поднявшей народы к великим победам, ведущей их к счастью и радости. Молодежь одиннадцати республик демонстрировала перед сталинским Центральным Комитетом, перед правительством первого в мире социалистического рабоче-крестьянского государства свою преданность делу Ленина — Сталина, свою молодую силу, свою ловкость, отвагу и готовность к борьбе с врагами нашей прекрасной и непобедимой родины.

Незабываемое зрелище представляла в этот день историческая Красная площадь.

Ровно в 1 час дня, при появлении на трибуне товарища Сталина и членов правительства, замершая площадь взорвалась бурей аплодисментов и криками «ура». Площадь зацвела шелковыми знаменами, цветами, яркими костюмами.

Запели фанфары. Сводный оркестр заиграл марш. Колонны начали шествие. Первыми на площадь двинулись знатные люди — заслуженные мастера спорта и рекордсмены. Их имена знает вся страна. Им аплодируют со всех трибун. И за ними — бесконечная лавина физкультурников всех национальностей.

Шла веселая, бодрая юность, потрясая цветами и винтовками. Проплыло «море» с купающимися девушками, которых захлестывали набегающие волны. Двигался пионерский «костер», языки его пламени стремились ввысь. Шли нескончаемые ряды мужественной, здоровой, милой молодежи.

На утопающей в цветах площадке бьет настоящий фонтан, ловкие гимнасты показывают свое искусство. Плывут над толпою огромные окорока, это спортсмены-пищевики несут макеты своей продукции. Вот алюминиевая сковорода на плите-платформе. На ручке сковороды — маленький поваренок, а в ногах у него — румяные пончики. Перед трибунами эти пончики лопаются, из них выскакивают маленькие поварята и начинают танец. Вот еще фонтаны, бьют на большую высоту, и под ними стоят ярусами купальщицы, неподвижно, как статуи.

А вот огромный танк сплошь из цветов. И еще танк, весь из живых людей и цветов...

Мощная колонна девушек в васильковых майках несет огромные золотые колосья. За ними во всю площадь вешним разливом сотни велосипедистов, все в цветах. В колесах машин цветы, позвякивание велосипедных звонков похоже на звон рассыпавшегося по площади серебра...

Шли гордые соколы-летчики, парашютисты. За ними карусель, а вместо коней мчатся кругами самолеты, из каждого самолета машет букетом цветов мальчик, с трибуны кто-то из членов правительства громко сказал: «Почему девочек нет?»

Физкультурники Красной армии— загорелые, темнобронзовые, как бы слитые в единую металлическую мощь, в неразрывную силу.

Вплывает на площадь «дрейфующий» остров — сплошь в зелени и цветах. Над сидящими в зелени женщинами, детьми, юношами высится огромная фигура Сталина. Буквы из цветов: СССР. А вот Эльбрус, и лыжники, в зимнем снаряжении, катаются на лыжах! Движется земное полушарие, вершина его — Северный полюс — бела от льда и снега. К вершине приближается красный самолет, в нем — мальчуган. Достигнув вершины полушария, самолет делает посадку.

Близится к трибунам огромный портрет Сталина в густой раме цветов. Перед трибунами рама из цветов оживает: в ней сверху донизу были спрятаны пионеры... Ребята весело машут букетами, приветствуя Сталина.

Движется гигантский макет шлюза «Москва — Волга». Строители канала бесконечными колоннами идут сквозь этот шлюз перед зрителями. Проплывает пограничная местность, скрыты в зелени дозоры, наготове пулеметы, бойцы в напряжении — вот-вот готовы действовать, охраняя неприкосновенность нашей родины.

Невозможно все припомнить и описать. Вторая часть праздника — игры, физкультурные упражнения. Мальчики и девочки, как просыпавшиеся из корзины цветы, покрыли всю площадь. Дети показали такое искусство пластики, такую ловкость в гимнастике, в акробатике, что невозможно было без восторга и волнения смотреть на них.

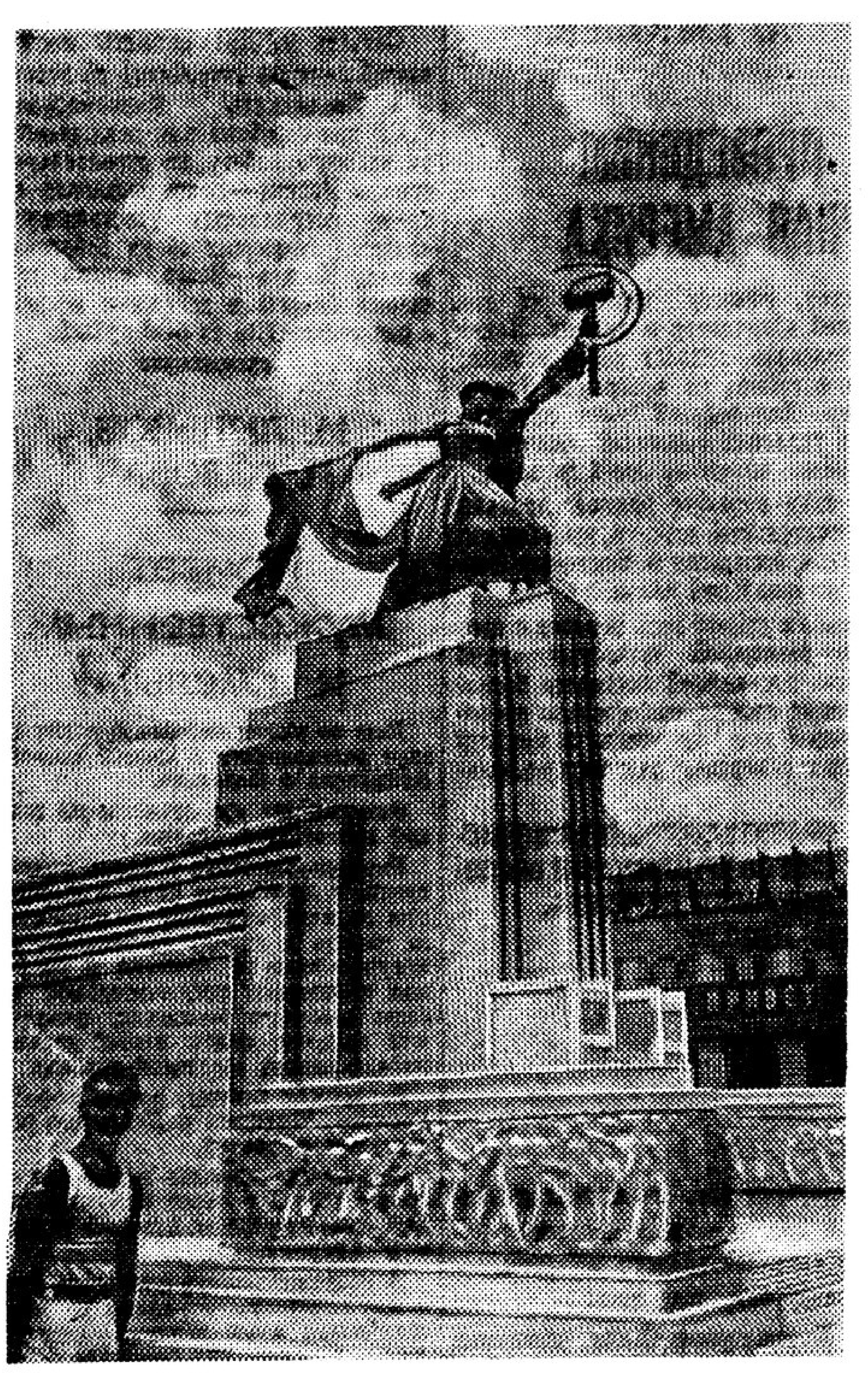
Девушки наравне с юношами исполняют полную мастерства гимнастическую программу.

Каждая республика показала изумительные народные игры, пляски, борьбу. Все это на огромной площади, среди радостной пестроты и знамен, — это была незабываемая картина.

Таджики, грузины, узбеки, туркмены, армяне, казалось, вместе со своей национальной музыкой, вместе с плясками, пением, принесли сюда, на историческую площадь, свое небо, свою природу, жизнь, труд и радости...

Праздник перекинулся на улицы. Москва долго еще гремела песнями и музыкой, гостей-физкультурников всюду встречали приветственными кликами, во всем этом было великое, нерушимое братство народов.

ИВ .КАСАТКИН

На физкультурном параде в Москве. Физкультурники спортобщества «Буревестник» несут макет Советского павильона на Международной Парижской выставке.

Колонны физкультурников приветствуют руководителей партии и правительства. (Союзфото).

На Втором международном конгрессе писателей

Дневник конгресса

Второй международный конгресс писателей заканчивает свои работы.

По возвращении конгресса из Мадрида в Валенсии **10 июля** состоялись дневное и вечернее заседания.

Днем выступали французский писатель **Андрэ Шамсон**, представители каталонского и валенсийского об'единений писателей, а также группы молодых писателей.

Конгресс заслушал блестящий по глубине и форме доклад члена советской делегации, испановеда тов. **Ф. Кельина.**

На вечернем заседании выступили: **А. Фадеев, И. Эренбург, Кортесао** — делегат португальских писателей народного фронта, **Марифельо** — представитель писателей острова Кубы, чешский писатель **Картохвил** и французский писатель **Авелин**, заявивший, что поездка в Испанию и общение с испанским народом дали возможность писателям избавиться от ощущения изолированности художника и почувствовать себя «людьми среди людей».

С большой речью выступил на вечернем заседании секретарь министерства народного просвещения Испанской республики **г. Росас.** Он говорил о той колоссальной просветительной работе, которая ведется в рядах народной армии.

Чрезвычайно трогательным и волнующим было выступление группы пионеров, пришедших приветствовать представителей мировой культуры.

Они просили писателей рассказать миру о жизни и страданиях испанских детей, которые, несмотря на тяжкие дни, переживаемые ими, твердо верят в победу и в светлое будущее республиканской Испании.

Заседание международного конгресса писателей, происходившее 11 июля в Барселоне, превратилось в массовый митинг.

В президиуме митинга — президент Каталонии **Компанис**, генерал **Посас**, члены каталонского правительства и президиум конгресса.

На заседании выступили члены конгресса **Бенда, Андерсен Нексе, Сяо, Тереса Леон** и др.

Итальянский писатель **Патенца** восторженно приветствует митинг.

Он рассказывает о том, как поплатились революционные итальянские рабочие, заряжавшие бомбы, предназначенные для мятежников, не взрывчатыми веществами, а предметами, выражающими симпатию к республиканской Испании. Триста рабочих были преданы фашистскому суду. 25 из них приговорены к пожизненной тюрьме и 5 — к смертной казни.

На конгресс прибыли делегаты английских писателей, несмотря на то, что английское правительство не выдало им заграничных паспортов.

Английский поэт **Стивен Спендор** был горячо встречен на митинге в Барселоне.

Мексиканский писатель **Хосе Мансисидор** в своей речи указал, что весь мексиканский народ восторгается СССР и особенно его благородной позицией в отношении Испании.

Бурной овацией и пением «Интернационала» был встречен представитель советской делегации, **т. Микитенко**, заявивший, что народы СССР, прошедшие трудный путь гражданской войны, путь борьбы с царской властью, чувствуют себя особенно близкими испанскому народу, борющемуся за свою независимость.

Горячее обращение украинских писателей к республиканской Испании, переведенное на кастильское наречие, зачитывает писатель **Варгас.**

От имени бойцов восточной армии конгресс приветствует генерал **Посас.**

Президент **Компанис** остановился в своей речи на значении борьбы, происходящей в Испании.

12 июля члены конгресса писателей были приняты Компанисом.

13 июля конгресс выехал в Париж.

ПРИВЕТСТВИЕ РОМЭН РОЛЛАНА

Конгрессом было получено приветствие Ромэн Роллана. В нем Ромэн Роллан пишет:

«Передаю мой самый пламенный привет товарищам писателям, собравшимся на конгрессе в Валенсии и в Мадриде. В этих столицах сейчас собрана цивилизация всего мира, которой угрожают самолеты и пушки фашистских варваров, как некогда угрожали в старину варварские набеги.

Мы горячо солидаризируемся с нашими братьями и соратниками в Испании и чувствуем долг признательности и глубокой солидарности с этой истерзанной землей. Она снова стала авангардом Запада против вражеских нашествий.

Слава этому народу героев, его рыцарям духа, этому союзу двух сил — мощи народных масс и его избранников! Пусть этот союз будет примером для великих демократий Европы и Америки. Пусть этот союз, укрепленный в борьбе, обеспечит прогресс и свободу мира».

Речь тов. В. Ставского

Во время восстания горнорабочих Астурии в 1934 г. был такой эпизод. По улице поселка бежит с винтовкой в руках женщина, жена шахтера, мать трех маленьких детей. Она бежит в ту сторону, откуда доносятся глухие взрывы, резкая дробь пулеметов, трель винтовок. Там отбивает атаку озверевших легионеров отряд повстанцев, там ее муж, боец этого отряда.

Женщину останавливает перепуганная жирная торговка:

— Куда ты бежишь? Тебя там могут убить. Ты бы хоть своих детей пожалела, если себя не жалко!

Женщина ответила гордо и страстно:

— Я потому и спешу в бой, что мне жалко своих детей. Я не могу и не хочу, чтобы они жили несвободными!

Образ этой героини врезается в память, прекрасный и строгий, суровый и нежный.

Не подскажет ли нам этот образ ответ на вопрос о сущности пролетарского гуманизма?

Два года отделяют нас от первого конгресса Международной ассоциации писателей. Фашизм — это порождение буржуазной культуры, выражение ее теперешнего состояния,— расставил за это время страшные вехи на своем пути. Это — пепелища сожженных сел, вытоптанные поля Китая и Абиссинии. Это — скорбные развалины домов Герники, Талаверы, Альбасете и других городов Испании. Это — тысячи и тысячи убитых детей, женщин и стариков в Испании, которую Гитлер и Муссолини превратили в полигон для испытаний новейшей военной техники, в полигон смерти.

Это, наконец, коварно-змеиная деятельность Гестапо и других разведок, с их агентурой у нас с вами дома. Тайные убийства, взрывы заводов, пуск под откос поездов, — все мыслимые преступления, от которых леденеет кровь в жилах, это тоже вехи фашизма.

Я вспоминаю ночь на 27 января этого года, скорый поезд, идущий с курорта Минеральные воды в Москву. В этом поезде возвращались, отдохнув и окрепнув на курорте, рабочие, инженеры, агрономы, колхозники. В купе вагонов они принесли свежесть горных вершин, веселье мужества и силы. Глубокой ночью, когда все спали, произошло крушение. Несколько вагонов было разбито. Зарево пожара шарахалось в небо. На снегу была копоть и кровь. Умирали строители московского метрополитена, стахановцы, лучшие люди страны Советов. Это было в глубоком тылу моей великой родины — подлинной опоры борьбы за мир, борьбы против войны. Крушение было совершено троцкистами, агентами фашизма. Пусть будет проклято имя их на веки вечные!

Агенты фашизма, презренная кучка шпионов, которая пробралась на высокие посты командования в Красной Армии, готовила военное поражение моей родины. Эта кучка извергов не останавливалась перед перспективой гибели сотен тысяч, может быть, миллионов жизней. Такова была воля хозяев всех этих тухачевских, гамарников, якиров и других предателей и изменников, — этих незадачливых Франко и Кейпо де Льяно, которых мы так своевременно истребили у себя.

Фашизм не довольствуется порабощением трудящихся, преследованием деятелей науки, искусства, литературы, истреблением передовых людей в их собственных странах. Наши друзья Генрих Манн, Густав Реглер, Анна Зегерс и другие на собственном опыте знают все прелести фашистского рая.

Для удержания власти фашизм использует расовый и национальный гнет. То, что сделал и делает фашизм в странах, где он у власти, и за их пределами — руками своих посланников и наемников, — по праву сохраняет за фашистами гнусную славу канибалов XX века.

Погибшие в тюрьмах и застенках фашизма взывают к совести и разуму писателей, инженеров человеческих душ.

Всю страсть своего таланта, всю силу своего интеллекта отдайте на борьбу со злейшим врагом человечества — фашизмом! Пусть пламенеют в наших сердцах бессмертные слова Максима Горького: «Если враг не сдается, его уничтожают»!

В этом уничтожении кучки врагов — величайшее проявление пролетарского гуманизма, спасение миллионов жизней от мучений и смерти.

Мы, группа делегатов, только-что вернулись с фронта у Карабанчеля. Там идет бой. Героические бойцы выбивают фашистов с подступов к Мадриду. Они делают это героическое дело со всей страстью революционеров и патриотов.

Победа не за горами. Республиканская Испания не может не победить. Да здравствует республиканская Испания!

Из альбома «Этюды войны» испанского художника Souto.

Пля-и-Бельтран—поэт Валенсии

Ф. КЕЛЬИН

Среди поэтов, выдвинутых испанской революцией, растущих в огне классовых боев, одно имя привлекает сейчас к себе общее внимание. Это имя принадлежит молодому валенсийскому поэту Пля-и-Бельтрану.

Тяжело и нерадостно было детство поэта. Он родился (1908 г.) в городке Иби в провинции Аликанте в многодетной семье поденщика. В своей автобиографии Пля-и-Бельтран вспоминает, что шести лет от роду он должен был присматривать за тремя маленькими сестрами. Дома жилось бедно, нехватало хлеба. Голод и нужда гнали ребенка на улицу. Скоро для Пля-и-Бельтрана начался период бродяжничества: он искал спасения в деревне. Его приютили, и он сделался пастухом при отаре овец. Ему было тогда 7—9 лет.

В дальнейшем Пля-и-Бельтран служил в велосипедной фирме, а затем поступил на текстильную фабрику, где проработал восемь лет. С тяжелым чувством вспоминает он этот период в своей жизни. Фабрика окончательно подорвала его слабое здоровье и изуродовала физически. Но вместе с тем она стала незаменимой для поэта школой. Он научился здесь еще сильней, еще сознательней ненавидеть эксплоататоров. Он был неграмотен. Самоучкой научился читать и писать и с тех пор стал постоянным посетителем библиотек. На фабрике написал он свои первые стихи. Затем он оставил фабрику и переселился в Валенсию. Вскоре талантливый самоучка начал читать уже таких трудных авторов, как Сервантес, Толстой, Валье-Инклан.

К этому же периоду относится и появление в печати первых его поэм и статей. В 1929 г. Пля-и-Бельтран впервые выступил перед широкой рабочей аудиторией. Успех превзошел все его ожидания. Рабочие Валенсии приветствовали в лице Пля-и-Бельтрана своего поэта. Стихи, как признает поэт в своей автобиографии, звучали еще по детски, были сантиментальны и окрашены в анархические тона. Собранные в сборнике «Венчик хризантемы», они пользовались, однако, большим успехом и свидетельствовали о свежем даровании автора.

Его следующий по времени сборник «Прялка вечности» (1930) относится к моменту, когда он уже примыкает к так называемой «авангардной литературе». После провозглашения республики в 1931 г. поэт окончательно порывает с традиционной поэзией. Он вступает в комсомол. Чтение Ленина открывает перед ним новый мир. Из поэта с горячими, но еще туманными народными симпатиями он постепенно становится поэтом революционным. За первые свои поэмы он попадает в тюрьму.

Но тюрьма, как ранее фабрика, была суровой и боевой школой для Пля-и-Бельтрана. В 1932 г. он первым из испанских поэтов выпустил в свет сборник революционных стихов «Нарха». За ним последовали «Кровавая эпопея» (1933), крестьянская трагедия «Шестипалый» (1934), навеянная событиями в Касас-Вьехас, крестьянские поэмы «Костры на юге» (1935), поэма астурийского восстания «Голос земли», «Книга любви и страдания» и «Товарищ». Перед военно-фашистским мятежом Пля-и-Бельтран работал над новой пьесой в стихах.

Мы рассказали так подробно жизнь этого замечательного поэта потому, что она прекрасно иллюстрирует те ужасающие условия, в которых приходилось в старой Испании пробивать себе дорогу талантливым представителям из трудового народа. Но история Пля-и-Бельтрана показательна и в другом отношении. Никакие препятствия не могли сломить железной воли молодого поэта, твердо шедшего к своей цели. И здесь, конечно, многим обязан он компартии Испании, членом которой сейчас состоит.

Коммунистическая партия воспитала в нем борца; великое учение Ленина — Сталина раскрыло перед ним широкие горизонты, он познакомился с советской страной, с советской литературой. Партийная работа дала Пля-и-Бельтрану организационный опыт, который как нельзя более помог поэту в работе по созданию в Валенсии ассоциации пролетарских писателей и художников. Сейчас Бельтран является секретарем ее литературной секции. Партия завершила воспитание поэта-самоучки, дав его творчеству идейную целеустремленность и классовую четкость.

Пля-и-Бельтран с большой остротой и болью переживает страдания трудового народа. Отсюда яркая эмоциональность стихов, ставящих его едва ли не на первое место среди испанских революционных поэтов. В этом отношении он близок писателю Рамону Сендеру, их сближает и любовь к испанской природе, уменье ее чувствовать.

Поэзия Пля-и-Бельтрана революционно-романтична в лучшем смысле этого слова. Она поражает читателя своей образностью, яркостью и богатством красок. Она согрета большим и горячим чувством. Диапазон ее очень широк. Пля-и-Бельтрана одно время довольно неправильно причисляли к поэтам, пишущим преимущественно на крестьянскую тему. Этот взгляд в корне ошибочен. Уже первые поэмы его показывают, как горячо откликается он на все события революционного дня. Правда, в его стихах испанской деревне уделено очень много внимания. Поэт рисует ее во все трагические минуты ее существования — здесь картины безземелья, засухи, голода, нищеты, батрацкой стачки, перерастающей в гражданскую войну, карательной экспедиции, империалистической бойни в Африке, на которую посылает испанского крестьянина доморощенный и иностранный капитал.

Но размах Пля-и-Бельтрана гораздо шире. Рядом с песнями испанской деревни мы находим у него и песни об испанском городе, о Советском Союзе, о мировом революционном движении, песни бодрые, полные призывов к борьбе, к победе. Облеченные преимущественно в форму народного романса, с оригинальными и очень интересными ритмическими чередованиями и повторами, образные, драматически сильные, богатые по содержанию революционные поэмы Пля-и-Бельтрана принадлежат бесспорно к тому лучшему, что создавала испанская революционная литература. Недаром же у Пля-и-Бельтрана сейчас есть своя школа поэтов, которую, в отличие от мадридской и андалузской (Рафаэль Альберти, Мануэль Альтолагирре и др.), мы можем назвать валенсийской.

Сейчас Пля-и-Бельтран, подобно другим революционным писателям Испании, сменил перо на винтовку. Но это не мешает ему и много писать. За последние месяцы им создан в огне гражданской войны ряд замечательных вещей, свидетельствующих о дальнейшем росте его поэтического дарования. Таковы его романсы о военморе Антонио Колль, уничтожившем во время атаки фашистов на Мадрид четыре танка и погибшем смертью смелых, стихи о Лине Одене, о Хуане Марко, Мартине, убитом на терруэльском фронте, «песня крестьян, борющихся на полях Арагона и Андалузии» и др. Вот что говорит он о своей деятельности в одном из писем к нам:

«...За это время у нас было много напряженного труда, страданий, много минут радости и горя. Ряд писателей и художников в первые же дни борьбы сменил перо на винтовку; затем под руководством союза антифашистской интеллигенции для защиты культуры мы начали пропагандистскую работу на различных участках фронта. Сейчас мы все приносим пользу нашей демократической республике и делу революции: одни борются с винтовкой в руках, а другие пером и словом... Осаждая Мадрид, вражеские полчища поломают себе зубы. Мадрид, как мы предвидели, станет «могилой фашизма».

Испанский народ горячо благодарит Советскую страну за ее братскую помощь. Своей победой мы будем обязаны не только нашему мужеству и нашей воле к борьбе, но и вашей сердечной помощи и той решительной поддержке, которую оказывает нам международный пролетариат».

Из альбома «Этюды войны» испанского художника Souto.

Речь Курта Штерна

(Редактор газеты Интернациональных бригад)

Боец народной армии, который провел много недель и даже месяцы в окопах Мадрида, задал как-то вопрос:

— Красив ли город, который мы защищаем?

Этот товарищ сотни раз доказал, что он знает, за что борется, хотя он и не знал города, для защиты которого он ежедневно жертвовал своей жизнью. Только издали он мог видеть башни и дома Мадрида. Он знал, что этот город существует и что он должен остаться нашим. Он знал, что враг хочет разрушить город и разрушает его изо дня в день. Он знал, что если Мадрид падет, то он уже не останется Мадридом, а превратится в вымерший город. Он рисовал себе картины, как после борьбы и победы мы залечим раны Мадрида, и город трагического величия станет городом жизни и человеческой радости.

Все, что относится к Мадриду, относится и к культуре. Для многих наших бойцов культура также является неизвестным благом, которое они защищают от тех, кто лишал их культуры в течение веков. О культуре они часто лишь знают, что она существует, что она должна быть наша, так как в руках врага она умрет. Эти люди, которые проливают кровь и слезы, которые борются и умирают за свободу и жизнь, эти люди защищают не только вчерашнюю и сегодняшнюю культуру, которой они часто даже не знают. В разгаре самоотверженнейшей борьбы они подготовляют почву для новой культуры, которую они уже предчувствуют.

Под грохот пушек и треск пулеметов тысячи и десятки тысяч бойцов начинают учиться читать и писать. На одном участке фронта под Мадридом, где идет ожесточеннейшая борьба, выходит не меньше 120 печатных фронтовых и солдатских газет. В окопах у Университетского городка, в 30 метрах от линии огня, можно найти библиотеки, удовлетворяющие потребность в чтении, появившуюся в месяцы войны. Здесь культуру не только защищают, но и завоевывают, осваивают, обновляют.

В Каса дель Кампо, где когда-то короли занимались охотой, а теперь протянуты проволочные заграждения, в Карабанчеле, где рабочие раньше прозябали, а теперь они умирают, в горах Гвадаррамы, где дикая красота местности превратилась в стратегический фактор, — также защищают культуру. Ее защищают оружием, соответствующим оружию врага. Прадо, которому угрожают бомбами, защищают с помощью бомб, ибо только пушки могут нам расчистить путь к творческой культуре, ибо враг закрыл этот путь своими пушками.

В эти дни, когда каждый час погибают люди за великое дело, за которое лучшие люди всех веков отдавали свою жизнь, за единственное дело, за которое стоит умирать, — за свободу; в эти дни, когда судьбу поколений и народов уже решают не речи и жесты, а танки и пушки; в эти дни, когда линия окопов в несколько сот километров отделяет прошедшее от будущего, — в эти дни мы полагаемся на страстную борьбу наших людей и на мощь пушек.

Мы хорошо знаем, что мы победим с помощью культуры прошлого, борясь за культуру будущего!

Речь тов. И. Эренбурга

Два года отделяют нас от первого конгресса писателей. Как всякая армия, мы узнали перебежчиков. В Париже был парад, здесь — война. Там нас было больше — писателей, но здесь вместе с нами работает, мыслит, борется подлинный защитник культуры — испанский народ.

Культура — не инвентарь механической природы, не каталоги библиотек или музеев, не коралловые острова городов. Культура, это — человек. Надо ли говорить о внешних разрушениях в стране, где каждый город — свежая рана? По деревне Ита, которая дала миру одного из величайших поэтов — Хуана Руиса, рыщут мародеры Муссолини; они мимоходом, как кур, крадут редкие манускрипты. Бомбы германской авиации уничтожают дворец Инфантадо, в котором сны о море стали камнем, в котором перспектива Востока, игра света и тени слились с правдой Возрождения, с его культом человека. Не в этом, однакó, повидимому, разгадка смерти. Фашизм может пощадить памятники старины, поскольку они ему не мешают. Он тщится уничтожить основу культуры — человека. Он пристрелялся к человеку, как орудия могут пристреляться к дому или к дороге. На его место он ставит механизированного рóбота — солдата, лишенного и мыслей, и чувств.

Бойцы Пятого полка под огнем спасали баловней судьбы инфантов Веласкеза. Солдат народной армии вынес из развалин Университетского городка труды профессора Маркеса. Спасение сокровищ Прадо одобрят и английские гуманисты.

Но что делать художникам лицемерного и благополучного мира? Что создадут они среди пышного убожества неуютной пустоты?

Я видел рабочих Пособланко, которые продолжали работать, как под обстрелом художник Солана писал свои натюрморты. Пятый полк не только спас ценности прошлого: своей героической борьбой он создал ценности будущего. Защита культуры не в спасении созданного: новая война за независимость вдохновляет теперь неизвестного нам Гойю.

Человек прячется от смерти под землю. Он откинут к пещерному веку. Защитный цвет пожрал все другие цвета. Потеряны жизни многих героев, памятники старины, города, статуи, сады. Полководцы знают, что потеря территории не определяет исхода войны, поскольку цела армия. Что спасла Испания, приняв этот бой? Народ. Испанская культура всегда была народной: ее не смог отравить мир денег, иерархии, спеси. На испанской литературе мы учились человечности. Конечно, не для того люди десятилетиями выращивали оливы, чтобы снаряды скашивали рощи, не для того щедрая испанская земля родила Гарсия Лорку, чтобы невежественный вояка подстрелил его, но война — это не только развалины и трупы. Испания теперь нашла новые творческие силы; народы, как люди, меняются на глазах. Из мира «Тертулии» Испания перешагнула в эпопею.

О чем говорили писатели на первом конгрессе в Париже? Об обороне. Когда африканская конница неслась по дорогам Эстремадуры, наивные фантазеры расклеивали афиши: «Не дарите вашим детям оловянных солдатиков, чтобы не пробуждать в них любви к милитаризму!». «Защищая культуру, можно только ее потерять». «Наступление» — вот слово, которое сейчас шумит над Испанией. Пусть оно войдет и в этот зал. Есть только один способ защитить культуру — уничтожить фашизм.

Мы вступили в эпоху действий. Кто знает, будут ли написаны задуманные многими из нас книги? На годы, если не на десятилетия, культура станет волевой.

Путь каждого писателя продиктован его природой, его возможностями, его силами. Одни взяли в руки винтовки. На пленуме нашей ассоциации в Лондоне нас принимал Ральф Фокс. Он был путешественником и мечтателем. Он страстно любил жизнь. Поэтому он умер в Испании, как солдат республики. Лукач — веселый, живой, горячий, добрый... В госпитале — раненый Реглер. Здесь, с нами, — Людвиг Ренн.

Что делать другим? Жюль Валлес как-то сказал: «Тот, кто опишет жизнь Галифе, тем самым убьет его». Мы должны выняньчить в сердцах людей ненависть. Пусть живые поймут, что нельзя жить на одной земле с фашистами. Мы знаем силу звуков, образов, слов. Они подымают душу, рождают мужество. Отдадим наши силы мужеству нового века. Расскажем о прекрасной лакомой жизни, со вкусом которой человек легко идет и на смерть. Расскажем о счастье теплого, как руно, братства. Уничтожим малодушие. Я говорю не о томах, не о пропаганде, не о стихах на случай. Я говорю о страсти, об искусстве, о голосе.

Если мы не хотим, чтобы весь жилой мир превратился в Мадрид, превратим сердца людей в сердца бойцов, которые сейчас рядом, за парапетами Университетского городка.

Три дня тому назад я был в Брунете и Вильянуэва де ла Ханьяда. Я видел деревни, освобожденные доблестными бойцами. Пусть это будет началом освобождения городов, стран, Европы.

РЕЧЬ АНДРЭ ШАМСОНА

Я пришел к вам как человек, которого коснулось одно из самых великих переживаний, какие когда-либо знало человечество. Мы, писатели, творим, основываясь на человеческом опыте, но нет сомнения, что никогда мы не имели таких страшных и грандиозных переживаний.

Что мы увидели в Испании? Мы увидели здесь примеры братства, чувства человеческого достоинства и понимания всего того, на чем основывается культура, а также стремление к росту, которое является одновременно и целью, и средством культуры. Мы видели здесь подлинного человека. Вы, испанские крестьяне, рабочие, горожане, вы не похожи на другие народы, к которым принадлежим мы. Вы поднялись выше их в результате испытаний и борьбы, вы стали красивее и сильнее, вы отличаетесь большим величием.

Мы будем всегда помнить о посещении вашей страны, о вашем гостеприимстве, о хлебе и вине, которые вы нам предложили.

Писатели должны заговорить и рассказать всему миру о том, что они нашли у вас правду и справедливость. Пусть проснутся писатели, пусть они разбудят народы, которые терпят совершаемые в Испании фашистские преступления. Я хотел бы, чтобы мое свидетельство громко зазвучало в ушах всех моих товарищей, живущих пока в безопасности в мирных городах — Париже, Лондоне, Нью-Йорке, чтобы каждый раз, когда занимается заря и над Мадридом начинают свирепствовать вражеские самолеты, в этих городах не осталось бы ни одной женщины, ни одного мужчины, который не чувствовал бы подкрадывающегося страха.

Один Мадрид не чувствует этого страха и продолжает улыбаться в боевой решимости.

Этот страх всего мира перед войной должен превратиться в решимость положить конец этой войне в Испании, которую вы выносите ради нас всех и которая кончится победой правды и справедливости.

РЕЧЬ ГУСТАВА РЕГЛЕРА

Удар — и сердце мое замерло. Исчезла куда-то Испания, все погрузилось в мрак безымянной ночи. Но скоро ко мне вернулось сознание, и я вновь увидел перед собою настоящую Испанию. Шесть бойцов в голубых рубашках хлопотали вокруг меня в лесу. Один держал мою руку, другой поддерживал мою голову так, чтобы солнце освещало мое лицо. Третий ласково гладил мои ноги, другой пытался дрожащей рукой найти под разорванной одеждой место, откуда течет кровь, чтобы ее остановить. Они все наперерыв старались меня успокоить:

— Ничего, товарищ, ничего.

Издали доносится свист нового приближающегося снаряда. Бойцы наклоняют головы и под шум проносящегося мимо снаряда продолжают повторять свое: «Ничего, товарищ, ничего».

Они стараются успокоить раненного, залитого кровью товарища. Они заклинают смерть, которая хочет проникнуть в мое тело. Они образуют вокруг меня стену, над которой пролетает ревущий снаряд. Вот та Испания, которая может побеждать смерть, ибо ее вера сильна. Эта Испания должна явиться образцом для всего мира.

Вот боец из Университетского городка, который после ожесточенного боя отказывается от отдыха, пока он не уберет в безопасное место своего раненного товарища. Вот население Куатро Каминос, которое, не побоявшись бомбардировки, бросилось подбирать жертвы, находившиеся под развалинами домов.

Этому народу мы обязаны укреплением нашей веры в пролетариат.

Сейчас, находясь в присутствии лучших испанских и международных писателей, я хотел бы обратиться к отсутствующим, к колеблющимся, к тем, которые полагают, что возможна политика нейтралитета и невмешательства в настоящий момент, когда испанский народ вступил в решающую фазу борьбы за свободу мира.

Мы должны сказать этим отсутствующим или колеблющимся писателям, что нельзя говорить с врагами народа, с людьми, которые этой ночью бомбардировали гражданское население Мадрида. Колеблющимся я должен сказать, что испанский пролетариат — уже не тот слабый мальчик, каким он был раньше, что он уже научился собственными силами защищать свои права, обеспечивать свое будущее. Вы должны стать рядом с ним. Поэтому мы все теперь испанцы. Нет другой борьбы, нет другого решения.

Все для Испании, товарищи!

К 80-летию со дня смерти

1857 Пьер-Жан Беранже 1937

1

«Мои песни — это — я сам...»

«Моя жизнь, жизнь поэта, принесла пользу, — и в этом мое утешение. Нужен был человек, который говорил бы с народом языком понятным и любимым, и оставил бы после себя последователей, распространяющих те же песни на разный лад. Этим человеком был я...».

«Свобода и родина легко обошлись бы, — скажут, — и без ваших припевов!» Но свобода и родина не так горды, как думают, — они не пренебрегают ничьим содействием, лишь бы оно было любимо народом. По-моему, было бы несправедливо судить о моих песнях, не учитывая того влияния, которое они имели. Временами лучшей музыкой для народа бывает барабанный бой, зовущий в атаку».

Так писал о себе и своих песнях великий Беранже, поэт французской демократии, сын французской буржуазной революции. Вся творческая жизнь Беранже прошла в десятилетия, отмеченные глубокими социальными процессами и крупными политическими событиями. Поэт видел превращение Наполеона в императора, торжествовавшего над Европой, видел его отречение, был свидетелем Ста дней и гибели Бонапарта.

Непримиримый враг Реставрации, ненавидящий Бурбонов, он призывал в своих песнях к их овержению. Социально-политическая история Франции первой половины XIX в. определила тематику поэзии Беранже. В его песнях находили выражение проблемы, волновавшие широкие круги населения.

«При каждом событии, — писал поэт, — а я исследовал их с особой тщательностью, — почти всегда оказывалось, что народные чувства настолько соответствуют моим соображениям, что я мог намечать свою линию поведения в той роли, какую на меня возлагала в те дни оппозиция»[1].

Беранже был самым неустрашимым и беспощадным врагом Реставрации, против которой он сражался в союзе с либералами, не теряя при этом настороженности в отношении крупной буржуазии и призывая демократические массы не доверять богачам. Во имя свободы, — против феодально-католической реакции слагал свои песни Беранже, песни злые, насмешливые и озорные. Их распевала вся демократия в городе и деревне, ремесленники, рабочие, крестьяне и солдаты. Песни, обращенные к солдатам, распространялись нелегально, отдельными листовками.

Первые песни Беранже появились в начале XIX в.. Он прославился среди литературной богемы, в кружке «Погребок» песенками «Вакханка», «Марго», «Великая оргия». Это — застольные, с эротическими мотивами песни, воспевавшие вино, веселье, любовь и дружбу. Кто не знает и в наши дни известнейшей его песенки «Моя бабушка» с популярнейшим рефреном (перевод Курочкина): «Уж пожить умела я! Где ты, юность знойная, ручка моя белая, ножка моя стройная!».

Эти мотивы никогда не исчезали в поэзии Беранже, несмотря на то, что в дальнейшем он начинает писать песни на острые политические темы.

Наполеоновская империя чем дальше, тем больше порождала в широких кругах населения оппозиционные настроения. Беранже утверждал, что во время Ста дней он видел, что Наполеон не сможет править в согласии с конституцией. «Плохо ли, хорошо ли, но я высказал свои опасения в песенке, названной «Политический трактат для Лизетты». Здесь Беранже обратился к Наполеону с советом изменить внутреннюю политику:

«Совет, преподанный повесой,
Тебе земной откроет рай,
Но став властительной принцессой,
Свободу нашу уважай».

Политические песни Беранже в это время были направлены против завоевательной политики Наполеона, которой он противопоставлял миролюбие сказочного короля Ивето.

Следует отметить, что в эти годы в песнях Беранже бытовая сатира была значительно острей политической. Он издевается над семейными нравами бюрократии и подхалимствующего мелкого чиновничества («Знатный приятель» и др.)

[1] «Предисловие автора к сборнику 1837 года».

2

Расцвет политической сатиры Беранже относится к эпохе Реставрации. Оппозиционно настроенный в отношении наполеоновской империи, в дни Бурбонов он оценивает Бонапарта как героя, боровшегося против феодально-реакционных, абсолютистских сил Европы. Наполеон для него становится воплощением «героической эпохи Франции» («Народная память», «Старый капрал»). Беранже пишет свои революционно-патриотические песни, пылающие ненавистью к оккупантам Парижа, к «Священному Союзу» и ко всем тем общественным группировкам, которые поддерживали Бурбонов, — земельной аристократии, духовенству, полиции, цензуре, шпионам.

Беранже высмеивает представителей эмигрантского дворянства, вернувшихся во Францию с помощью штыков интервенции.

Не только дворянство и духовенство вызывают ненависть Беранже, он издевается над теми, кто поспешил приспособиться к Бурбонам, над ренегатами, отправившимися на поклон в Тюильри:

«Тирана нет, — пришла пора
Вернуть нам милости двора.
Что нам до родины, собачки?
Пусть кровь французов на врагах—
Мы, точно блох, ловя подачки,
У них валяемся в ногах»...

Песни Беранже впервые были изданы (вначале они распространялись в виде отдельных листков) в 1816 г.; второй том, вышедший в 1821 году, и четвертый в 1828, — вызвали обвинение Беранже в оскорблении религиозной и общественной морали («Моя бабушка», «Капуцины» и др.), в оскорблении короля («Белая кокарда»), и против поэта было начато судебное преследование. Его упрятали в тюрьму, но это только усилило популярность Беранже, тем более, что его адвокат издал протоколы судебного разбирательства, где привел как официальный материал все песни, вызвавшие преследования поэта. По второму процессу Беранже вышел из тюрьмы за несколько месяцев до июльской революции. На преследования властей Беранже отвечает бичующими песенками, которые подхватывает и распевает вся Франция.

Пребывание Беранже в тюрьме влило новую струю революционного под'ема в его песни. Он выступает против короля Карла X, он воскрешает легенду о красном человечке, который всегда появляется в Лувре, когда правителям Франции грозит беда, и который снова появился там. Беранже понимал все значение своей песни в борьбе с Бурбонами. Он с полным правом писал о себе после июльской революции:

«Благослови судьбу! Поэзия твоя
Вела вперед ряды великого народа.
Стихи твои дошли до дна его глубин,
Им вторила в толпе бродившая свобода.
Для грамотных одних витии говорят,
А песнь твоя невежд — и тех не избегала;
Ты пел всегда для всех: призывный звук трубы
И томный лиры звон — все муза сочетала».

Популярность Беранже в народных массах привлекла к нему внимание лидеров либеральной буржуазии, искавших союзников, руками которых они могли бы свергнуть Бурбонов. Беранже ни о чем так не мечтал, как о свержении Реставрации. Но либералам он всегда казался слишком революционным, слишком преданным республиканским традициям, им не удалось повести Беранже у себя на поводу.

Беранже голосовал за избрание Луи Филиппа, потому что верил в торжество «принципа народности» с победой июльской революции. Но вскоре он увидел свою ошибку, понял, что революция 1830 г., свергнув феодальную реакцию Бурбонов, заменила их Орлеанами—господством капиталистов и банкиров. «Король-буржуа» бросил лозунг «обогащайтесь» и финансовая вакханалия восторжествовала.

В первые дни июльской революции Беранже считал, что роль его окончена самым фактом торжества идей, которые он защищал и пропагандировал с риском для себя в течение пятнадцати лет. Вскоре он убедился, что время для его боевой песни не прошло. Он увидел, что власть попрежнему в руках сильного. Он отказался от предложенного ему поста министра просвещения. В песне «Друзьям, которые стали министрами», Беранже показал свое отрицательное отношение к новым властелинам:

«Здесь, во дворце, я предан недоверью,
И с вами быть мне больше не с руки.
Счастливый путь! За вашей пышной дверью
Оставил лиру я и башмаки.
В сенат возьмите заседать свободу, —
Она у вас обижена совсем,
А я спою на площадях народу.
Так хорошо на свете быть никем...»

Новые песни Беранже обличают самую природу буржуа — погоню за наживой, деньгами, богатством. Он ненавидит капиталистов, разоряющих мелкий люд. В песне «Бонди» он громит новый режим:

«Всяких званий господа,
Эмиссары
И корсары, —
К деньгам жадная орда, —
Все сюда,
Сюда!
Сюда!».

Его песни, направленные против июльской монархии, полны гнева, ненависти и презрения. Когда реакционная политика июльской монархии отчетливо обнаружилась, когда 5—6 июля 1832 г. произошло восстание, поднявшее пролетарский Париж, старик Беранже не мог не сочувствовать революционерам. В это время поэт много пишет о лишениях и бесправии бедноты («Жак», «Старый бродяга»), он верит в грядущую победу демократической республики, но призывает уже не к революционному действию, а к моральному перевоспитанию человечества. Восприняв идеи утопического социализма, Беранже наряду с резкой критикой буржуазии, приветствовал крестьянскую бедноту и рабочий класс, в отношении которого ставил себе культурно-просветительные задачи.

Зная о своей широкой популярности среди пролетариата, Беранже с чрезвычайной благожелательностью отнесся к первым песенникам-рабочим, он сознавал, что их поэзия связана с его песней. Весь остаток своей жизни он посвятил заботам о ранней рабочей поэзии.

Эжен Потье, прославленный автор «Интернационала», принадлежавший к поколению поэтов-рабочих 40-х годов, отдавая должное Беранже за все его заботы о нем и других поэтах, упоминает о письме Беранже, где великий поэт указывал на то, что «рабочим-поэтам принадлежит будущее».

А. МИНГУЛИНА

...Двух старушек речь слышна:
«Ну, настали времена!
На субретке, на простой,—
Шаль и платье с фалбалой».
Рисунок **Грандвилля** к стих. **Беранже «Готтон».**

...Жак, просыпайся! С дурными вестями
Власти наехали — чуть рассвело.
Требуют подати... Время пришло.
Что только будет с несчастными нами?
Рисунок **Грандвилля** к стих. **Беранже «Жак».**

«Законное требование»

(См. «Литературную газету» №№ 36 и 37)

БОЛЬШЕ ЗАБОТЫ О МОЛОДЫХ КОЛХОЗНЫХ ПИСАТЕЛЯХ

Ни в самой статье «Законное требование», напечатанной в «Литературной газете» от 5 июля с. г., ни в откликах на нее не упомянуто о работе с молодыми колхозными авторами.

Тов. А. Набатов предлагает организовать при Доме советского писателя «Трибуну молодого автора». Это хорошая мысль, и ее нужно реализовать.

Но как быть с периферийными литкружками, с начинающими писателями, живущими в колхозах? Не нужно доказывать, что среди колхозной молодежи много способных, одаренных людей. Но их никто не знает. С ними никто не работает.

При многих крупных колхозах существуют литкружки или литактивы, но руководство ими доверено людям, ничего общего с литературой не имеющим. Что же в таком литкружке может получить начинающий колхозный автор?

Мы предлагаем следующее.

Прежде всего нужно организовать смотр колхозных литкружков, выявить всех действительно способных людей и об'единить их или вокруг районных газет или вокруг областных литературно-художественных журналов. Работа в этих об'единениях должна проходить под наблюдением местных писателей-профессионалов. Наиболее способным авторам нужно предоставить возможность поступить в Литинститут. В Литинституте должны обучаться не только молодые авторы, живущие в Москве, но и начинающие писатели периферии. Литинституту необходимо увеличить количество мест для заочного обучения. В будущем учебном году предполагается принять 150 заочников. Количество мест явно недостаточно.

При центральных литературно-художественных журналах также надо организовать «трибуны начинающего колхозного автора», которые должны сыграть роль основного организующего центра работы с литературной колхозной молодежью.

Журналы «Колхозник», «Молодой колхозник» и «Крестьянскую газету» надо широко привлечь к работе с молодыми колхозными авторами. В эти журналы чаще всего обращается колхозная молодежь со своими произведениями, но почти никогда не получает от них нужной творческой помощи, деловой консультации.

Нужно серьезно поставить вопрос о литконсультациях при издательствах и редакциях журналов. Существующий до сих пор метод «консультирования» не помогает начинающим авторам.

Литконсультации должны быть пополнены новым составом проверенных союзом писателей консультантов. Часто консультантами работают случайные люди. Нужно, чтобы будущие консультанты прошли через специальную экзаменационную комиссию союза писателей и получили официальное право работать в литконсультации. Без этого нельзя ожидать от литконсультации живой, действенной и необходимой помощи начинающим писателям.

НИК. АНИКИН
СЕРГЕЙ ДАНИЛОВ

КРУПИЦА ОПЫТА

Вопрос о творческой помощи молодым писателям поднимался в печати десятки раз. Сколько на эту тему сделано докладов в союзе писателей, и, тем не менее, как говорит т. С. Кузнецова в своей статье «Законное требование», «дело действенной помощи начинающим авторам ни на иоту не подвинулось вперед».

В чем же дело? Почему ни союз в целом, ни группа наиболее передовых и опытных писателей не смогла стать «Коллективным Горьким» для армии молодых авторов, жаждущих помощи в сложном и трудном писательском ремесле?

Занятость, нежелание, боязнь ответственности, неумение взяться за работу, непонимание общественного долга, который лежит на писателе?... Трудно ответить, но, как говорят, «факт остается фактом».

Год назад ко мне пришли три начинающих автора. Робкие, неопытные в литературном мастерстве комсомольцы.

Вот уже год, как я регулярно работаю с ними. Группа из трех выросла постепенно до двенадцати. Но дело не в количестве. За год нашей работы выросли и литературно оформились два способных молодых автора.

С чего начинать и как начинать?

Весь вопрос — в человеческом материале, с которым приходится иметь дело, и в собственных педагогических способностях. Как это ни странно, но мне пришлось начать с высмеивания обывательских представлений о «творчестве за один присест»...

Столкнувшись с живыми, пытливыми людьми, разглядев их, к следующей встрече с ними я уже готовился с большим волнением. Я обратился к опыту Толстого, Пушкина, привлек дневники, письма классиков о своем творчестве, работы ряда исследователей.

Раз за разом рукописи разбираемых рассказов становились серьезнее по тематике, интереснее по композиции, опрятнее по языку.

Две рукописи молодых авторов сейчас уже подготовлены к печати.

Е. ПЕРМИТИН

ОРГАНИЧЕСКАЯ ПОТРЕБНОСТЬ КАЖДОГО ПИСАТЕЛЯ

Все годы моей сознательной творческой жизни я вел работу с молодыми авторами. Желание передать и раз'яснить другим то, что тебе ясно самому, живет во мне постоянно.

Учитывая индивидуальные особенности того или иного молодого автора, его биографию, его социальные корни, я старался и стараюсь в меру своих сил сократить путь его исканий и помочь ему найти в поэзии свой творческий, отличный от других, облик.

Разумеется, все это я делал и делаю тогда, когда для меня совершенно ясны политическая целеустремленность автора и его отношение к нашей социалистической действительности. В этом смысле я никогда не мог и не могу отречься от своих пристрастных симпатий к тем из молодых поэтов, которые в своем творчестве живут темами нашей политической борьбы.

Молодым талантливым поэтам Д. Кедрину, С. Васильеву, С. Островому, П. Панченко, А. Шпирту, Стрельченко и др. я постоянно помогаю в их работе, хотя никаких формальных указаний на это со стороны союза писателей не получал. Дело не в том, чтобы обязать того или иного писателя работать с молодыми, а в том, что эта работа должна быть органической потребностью каждого, кому дорога судьба социалистической литературы.

Нужно только пожелать, чтобы эта работа не носила характер кампании, а была бы последовательной и постоянной борьбой за наши новые литературные кадры.

М. ГОЛОДНЫЙ

А. ЭРЛИХ

Зарождение искусства

1

История народа Коми нашла свое отражение только в изустно передающихся из поколения в поколение легендах, старинных фантастических сказаниях и фольклорных песнях. Давнишние поработители — скандинавские викинги, а затем новгородские ушкуйники изображаются здесь то в виде грозных людей из железа, то всесильными и жадными колдунами.

Хищники-соседи в продолжение многих веков подавляли сильный народ, и он потерял даже имя свое. «Зыряне» стал называться он. Презрительная кличка «зыряне» значит «оттесненные».

Николай Молодцов. Анна Попова. Иван Лебедев. Татьяна Коняева. Русские имена. Русские фамилии. Русский облик, русский костюм, русские крестьянские бороды, русские платочки на головах у женщин. Невозможно отличить по внешности и по типу лица коми от русского. Постепенно русские слова проникали в разговорную речь, язык разрыхлялся, распадался, возникала угроза ассимиляции и поглощения самого языка — последнего, чем еще обладал народ.

Революция вступилась за судьбу коми.

Охотники и партизаны коми, может быть, и не задавались столь высокими целями, как завоевание права на самостоятельную историю, как национальная государственность и национальная культура. Они взялись за оружие и пошли в лес бить интервентов и белогвардейцев потому, что в революции увидели залог освобождения от рабства, бедствий и нищеты. Но вместе с элементарным правом на свободный труд они, помогая революции разгромить классовых врагов, завоевали и возврат в историю, национальное возрождение, право на автономное государственное развитие.

За два десятилетия советской власти и ленинско-сталинской национальной политики коми создали цветущее государство. Они окрепли экономически и возродились культурно.

Миллионы кубометров древесины плывут «молью» по широким рекам к далекому Архангельску, где поджидают груз иностранные суда. Богатейшим источником народного дохода служит пушнина — белки, лисицы, куницы, медведи. Страна, никогда не знавшая иной промышленности, кроме кустарной, построила множество заводов — больших и малых — для переработки продуктов сельского хозяйства, особенно льна и молока. В пустынных некогда краях, в тайге и на берегах отдаленной Печоры возникла крупная добывающая промышленность. На Воркуте — богатый уголь. В Ухте — нефть. В Чибью — драгоценный гелий и драгоценнейший радий. Усть-Уса, недавний маленький поселок, вырос в центр крупного пароходства.

Страна коми становится богатой, цветущей, счастливой. И если раньше «оттесненные» теряли свой национальный облик, свои национальные особенности и черты, то теперь, в социалистических условиях, происходит обратный процесс. Очищается родной язык. Впервые создан коми-алфавит, и возникла своя национальная письменность. Издаются книги, газеты, журналы, учебники на родном языке. Автономная область развилась в автономную республику, и столица юной республики вместо прежнего русского названия Усть-Сысольск давно уже носит имя по коми — Сыктывкар.

В одном только Сыктывкаре, помимо двух десятилеток и нескольких неполных средних школ, есть техникумы: лесной, горный, строительный, сельскохозяйственный, кооперативный, зооветтехникум, три педагогических техникума, один медицинский институт.

Есть у республики Коми свое богатое народное хозяйство. Есть свои учебные заведения.

Теперь возник первый национальный театр, и появились первые ростки национальной литературы.

У коми зарождается на наших глазах искусство.

2

Иван Алексеевич Куратов, умерший в 1875 году, в наши дни почитается всем народом коми как основоположник национальной культуры и национального искусства.

Высокообразованный человек, окончивший Казанский университет и изучивший свыше 20 европейских и восточных языков, он написал много научных статей, посвященных проблемам родного языка, и был создателем коми-поэзии.

Свои многочисленные произведения — оригинальные и переводные — Куратову так и не удалось издать. За исключением четырех стихотворений, помещенных в «Вологодских губернских ведомостях» под видом фольклора, все остальное наследство Куратова было рассеяно по стране, у родных, частью в Финляндии.

И теперь коми любовно собирают его труды. У финского профессора-филолога Вихмана удалось получить фотокопии многих стихов и песен Куратова, записанных по-русски (напоминаем, что коми-алфавит впервые был разработан лишь в советское время; прежде своей национальной письменности вовсе не было, коми-слова записывались по-русски). Уже выпущен сборник стихов И. А. Куратова и готовится в печать однотомник, куда войдут, помимо стихотворений, научные статьи, первые опыты над грамматикой и синтаксисом коми-языка, переводы из Шиллера, Беранже, Пушкина, Кольцова.

Революционный писатель, весьма близкий по своим политическим и философским взглядам к Чернышевскому и Добролюбову, И. А. Куратов писал:

С незапамятного дня
Над родной землею ночь.
Человека без огня
В ней сыскать — невмочь.

Самодержавная крепостническая Россия, мрачная тюрьма народов изображалась иносказательно в его произведениях. Вот выдержка из его стихотворения «Лодка» в переводе Ив. Молчанова:

Быстрине плыву навстречу,
И гребу, гребу я честно!
Все в работе: руки, плечи,
Лодка ж, хоть разбей, ни с места.
Вот кусты одни и те же...
Напрягаюсь, ветер свищет...
Леший, что ли, лодку держит
В темном омуте за днище?

Будущности своего народа он не отделял от судьбы всех других национальностей, населявших российские просторы. Куратов призывал коми бороться вместе со всеми трудящимися против царской тирании. Один из самых ярких, самых талантливых и образованных людей прошлого, Куратов не мог и мечтать о тех перспективах национального развития, которые открылись перед народом коми с победой социалистической революции.

3

Вениамин Чисталев, Михаил Лебедев, Виктор Савин — старики, начавшие свою литературную деятельность еще до революции; Геннадий Федоров, Иван Из'юров, Михаил Лихачев, Андрей Зубов, Павел Доронин — новое поколение писателей и поэтов, выросших уже в наше время,— создают первые стихи, поэмы, рассказы, романы, драмы и комедии на родном языке и переводят на язык коми произведения русской и мировой классической литературы.

В Сыктывкаре издается толстый журнал «Ударник». В Сыктывкаре создан первый национальный театр, в репертуаре которого классические и современные пьесы в переводе национальных авторов; готовится к постановке и первая оригинальная пьеса из прошлой жизни народа коми — **«Незаконнорожденная Нина»** драматурга **Попова.**

Мих. Лебедев секретарствует в нарсуде Сыктывдинского района. Отец его — крепостной, проигранный барином в карты, попал некогда из глубины России на далекий север, на чугунолитейный завод в Нювчинске, и здесь женился. Мих. Лебедев, теперь уже 60-летний старик, перевел на язык коми «Скупого рыцаря», «Песнь о вещем Олеге» и много мелких стихотворений Пушкина, а потом выпустил в переводе также и том басен Крылова. Оригинальные произведения Лебедева долго носили националистический отпечаток. Еще в 1922 году он написал вреднейшую балладу «Топор и лес».

Автор перевооружался медленно, постепенно, и лишь окончательная победа социализма, быстрое и мощное хозяйственное возрождение страны, переход деревни на путь коллективизации оздоровили его политическое сознание. Басня «Педя и Родя» — одно из последних его произведений — красноречиво свидетельствует об этом.

Вениамин Чисталев четверть века был педагогом. Живет он теперь в селе Помоздино Усть-Куломского района. Слабый здоровьем, он тем не менее много работает и над прозой, и над переводами, и над фольклором. В прошлом и он не избег националистических извращений, и притом очень серьезных.

Произведения последних лет уже свободны от этих враждебных нот. Один из наиболее ярких национальных авторов коми, Чисталев становится убежденно в ряды советских писателей.

Он перевел «Мать» и «Рождение человека» М. Горького. В сентябре прошлого года он приехал в Сыктывкар на областную олимпиаду с драматическим кружком колхозников и колхозниц. Спектакль, разыгранный кружком, был самым замечательным и красочным событием на олимпиаде. Глубоко народный спектакль запомнился надолго. Колхозники играли «Коми-свадьбу», театрализованный фольклор, старинные обрядовые песни и сказания в мастерской обработке В. Чисталева.

В настоящее время В. Чисталев работает над обширным произведением, которое так и называется: «Большой роман».

Виктор Савин — переводчик, поэт, драматург и композитор. Он написал том стихов, около 20 пьес, свыше 50 песен, являясь одновременно и автором слов и автором напева.

В. Савин перевел на язык коми пьесы «На дне» Горького, «Слугу двух господ» Гольдони, «Грозу», «Лес» и «На бойком месте» Островского, «Ревизора» и «Женитьбу» Гоголя, «Русалку» Пушкина.

В настоящее время он работает над оригинальной пьесой в стихах и переводит «Отелло» Шекспира.

Песни его поются по всей стране, и особенную популярность приобрела песнь о Сталине:

По степям, по селам коми-края,
По полям раскованной земли
Реки нашей радости играют,
И улыбкой лица расцвели.

Из писателей нового поколения заметно выдвинулись зачинатели советской прозы, молодые авторы **Федоров** и **Из'юров.** Первый выпустил большую повесть «Деревенское утро» о колхозном строительстве, «Колхозницы» и «Переполох» — о классовой борьбе в колхозе, об охране урожая, а второй — повесть «Бригада Тимофея» — о лесозаготовках и «Преступление Дементия».

Молодой поэт **Шеболкин** выпустил уже два тома стихов, поэму «Гармошка». Он занимается также и переводами, познакомив народ коми с романом Н. Островского «Как закалялась сталь», с двумя первыми книгами «Брусков» Ф. Панферова и с «Трагедийной ночью» А. Безыменского.

Павел Доронин, писавший до последнего времени стихи и маленькие рассказы, теперь публикует в журнале «Ударник» свой первый большой роман «Сердце Пармы».

4

Писатели Коми учатся у русских. Во многих произведениях молодой коми-литературы легко почувствовать влияние русских авторов даже по одному только внешнему их строю:

Пармы глухие, леса
статноствольные,
Что знали раньше вы, в дни
подневольные?
— Одурь медвежью и сон!
Боры сосновые, так ли вы дышите?
Что вы сегодня, дремучие,
слышите?
— Пенье веселых колонн.

Богатый родной фольклор, накопленный веками опыт собственного устного народного творчества и произведения русской поэзии и прозы— вот два неисчерпаемых источника, из которых берет свое начало зарождающееся в наши дни национальное искусство коми.

Первые опыты коми в искусстве, при всей возможной несовершенности их, все же неоценимы в своем глубоком значении и служат залогом стремительного развития национальной культуры в ближайшем будущем.

В Сыктывкаре не всем это ясно. Есть здесь некто Абатуров, директор одного из научно-исследовательских институтов, в свободное время развлекающийся критическими статьями в тоне безапелляционных приговоров. От времени до времени он публикует в республиканской газете свои упражнения, в которых заявляет, что никакой литературы у коми нет. Печатается это без всякой отповеди сбоку, и, значит, можно заподозрить редакцию газеты, что она солидаризируется с Абатуровым.

Между тем, творческая работа писателей коми — оригинальная и переводческая — заслуживает глубочайшего уважения и всяческой поддержки.

Я. ЭЙДЕЛЬМАН

«На Дальнем Востоке»

Сценарий П. Павленко и С. Радзинского, режиссер — Д. Марьян

В новой картине Мосфильма есть немало недостатков: местами она слишком растянута, местами скомкана, сделана «скороговоркой». Весь ее ритм — несколько замедленный, монотонный, и находится часто в противоречии с внутренним содержанием фильма, с острым драматизмом и напряженностью изображаемых конфликтов.

Некоторую досаду вызывает и слишком беглый показ Дальнего Востока, края, способного растревожить самое романтическое воображение, но неизвестного еще миллионам Советского Союза во всей полноте своих богатств и поэтичности.

Но при всех недостатках, имеющихся в фильме, было бы грубейшей ошибкой преуменьшить его значение, недооценить те качества, которые обеспечат ему огромный резонанс в стране. Хорошо сделали авторы сценария, что они не пытались экранизировать целиком роман Павленко, — такой метод всегда приводит к обезличенности, схематизму, — а взяли только определенные сюжетные линии, позволяющие создать самостоятельное произведение.

Основной темой фильма, в отличие от романа, является тема троцкистско-японского шпионажа, разработанная с большой силой и правдивостью. Зритель получает своевременную и очень убедительную художественную иллюстрацию к той, появившейся в последнее время литературе, которая знакомит советского читателя с коварными приемами работы японо-германской троцкистской агентуры.

Цой прикидывается корейским революционером, спасшимся от японского террора. Никому не может притти в голову, что это шпион. Советский пограничный патруль видел, как японский унтер расстреливал китайских партизан, видел, как преследуемый пулями Цой бросился в воду. С искренней радостью принимает советский берег спасшегося «партизана». Он подкупает всех своим обаянием, ловкостью, умом, обходительностью. И, притупив бдительность новых «друзей», он высматривает, выжидает, подыскивает себе союзников в борьбе против советской власти.

Ближайшая его цель — предотвратить взрыв Золотого перевала, через который должна лечь советская дорога к границе. Цою недолго приходится искать помощника — им становится сам начальник строительства дороги Зарецкий, двурушник-троцкист, затаивший в душе злобу против партии, ненавидящий строителей социализма, ненавидящий народы Советского Союза.

Авторам сценария и актеру (Зайчикову) хорошо удалась характеристика этого троцкистского последыша. Сухой, себялюбивый, Зарецкий всегда испытывает чувство мрачного одиночества, всегда противостоит всему окружающему, во всех мероприятиях, «несогласованных» с ним, он усматривает покушение на его достоинства, подрыв его авторитета. Таким подрывом является для него назначение ему в помощники прекрасного большевика Штокмана. Вопреки вредительскому проекту Зарецкого, установившему двухлетний срок строительства, Штокман решает проложить дорогу за полгода. Это еще больше озлобляет Зарецкого.

Характеристика образа вполне об'ясняет смычку Зарецкого с шпионом и диверсантом Цоем. Сближению этих родственных натур содействует и необычайно ловкий ход Цоя: он убивает русского белогвардейца в ту минуту, когда тот собирается, по поручению общества «Русское братство», уничтожить Зарецкого. Цой действует в данном случае, как расчетливый хозяин. Ему нужен этот троцкист, который может оказать такие неоценимые услуги японской разведке.

Таким образом, зритель психологически вполне подготовлен к деятельности Зарецкого как прямого агента японской разведки. Но все же мы не видим воочию, как Зарецкий и Цой вступают в свою подлую сделку. Эта линия смазана в фильме — дан только результат, а не процесс сговора, взаимного срастания.

Схематизм имеется и в показе одного из центральных образов фильма, руководителя края — Михаила Семеновича. Мы можем только условно принять его, как сильного человека, как государственного деятеля большого масштаба: Михаил Семенович не действует в фильме, он администрирует, подписывает бумаги, намечает планы, но не приходит в сколько-нибудь заметное столкновение с другими персонажами. Есть только одна сцена, где Михаил Семенович перестает быть «кожаной курткой», где с художественной наглядностью раскрываются его подлинные свойства большевика, человека большой идеи, горячей крови и суровой, непоколебимой воли. Это — сцена, когда Михаил Семенович узнает о покушении на Штокмана. Волнение, с которым он реагирует на это сообщение, захватывает зрителя, рождает в нем тот же бурный поток чувств, который захлестывает и этого широкоплечего, коренастого человека с умным лицом, с движениями, полными уверенности и силы.

Изумителен острый, пронизывающий, всепроникающий взгляд, которым Михаил Семенович встречает входящего Зарецкого. Под этим взглядом Зарецкий ежится, чувствуя себя уличенным. О дальнейшем зритель догадывается, видя выстраивающийся у дверей кабинета Михаила Семеновича конвой.

И здесь снова испытываешь чувство неудовлетворенности: хочется не намеков, а полной картины возмездия, хочется видеть врага во всем его уничтожении и позоре.

Одна из лучших удач фильма — образ Штокмана. Штокман — поэт, художник своего дела. Геолог-большевик, он целиком отдает себя идее возрождения изумительного края, подчинения его бесчисленных богатств делу социализма. Своей нечеловеческой энергией он преодолевает все препятствия, своим редким обаянием он завоевывает души, своим замечательным большевистским чутьем он умеет находить нужных ему людей и окрылять их верой в собственные силы, увлекать на большие дела.

В картине эта «штокмановская» линия развернута с предельной убедительностью, увлекательно, тепло и органично. Штокман по-настоящему овладевает сердцем зрителя, и последний благодарен авторам за то, что они не побоялись счастливого конца. Как долго многие наши художники, боясь трафаретного оптимизма, насаждали в искусстве другой трафарет, согласно которому положительный герой должен погибнуть для того, чтобы восторжествовала его идея. Авторы сценария и фильма не оказались в плену этой «жертвенной» психологии. Штокман не умирает от пули шпиона. Он, к великой радости зрителя, оправляется от тяжелых ран и получает возможность пожинать плоды своих трудов.

В таком финале советского произведения гораздо больше художественной и жизненной правды, чем в абстрактных формулах сторонников оригинальности во что бы то ни стало.

Актерское исполнение в фильме «На Дальнем Востоке» радует своей талантливостью. Даже сильно выраженные элементы схематизма в образе Михаила Семеновича не помешали Болдуману найти яркие и сочные краски для характеристики своего героя. Но особенно должно быть отмечено здесь мастерское исполнение Свердлиным роли Цоя. Актер раскрывает гнусное нутро шпиона, не прибегая к «злодейскому» гриму, не пользуясь приемами мелодраматических подчеркиваний и преувеличений. Несколько скупых штрихов — и перед вами во весь рост встает этот искусный обманщик, умеющий прикрыть свой хищный, звериный оскал личиной обаятельности, почти инфантильности.

«На Дальнем Востоке» — мобилизующий фильм. Он в живых образах показывает трудности и героику социалистического строительства. Он, невзирая на ряд своих существенных недостатков, с большой убедительностью разоблачает — впервые на советском экране — гнусные происки троцкистских шпионов и предателей против нашей великой родины. Он призывает к бдительности, вооружает искусством распознавать врага, лучше разбираться в его уловках.

И в этом его большое воспитательное значение.

Кадр из фильма **«На Дальнем Востоке»**. Ю-Шань слушает песню пограничных колхозников. В роли **Ю-Шань** артист **Ю. А. Ли-Ден-Тен**

К. МАЛАХОВ

Интересная тема

В 1918 году Джунаид-Хан об'единив ряд туркменских племен, захватил Хиву. Зимой 1918—19 г. он начинает военные действия против Советов, осадив Турткуль. Это выступление Джунаид-Хана входило в общий план наступления контрреволюции. Дутов от Оренбурга, ашхабадские белые войска с юга, Джунаид-Хан, двигавшийся на Турткуль и Чарджуй, — такова общая схема наступления контрреволюции.

Страницы романа, показывающие оборону Турткуля, приключения двух молодых узбеков, пробирающихся из Хивы к большевикам и участвующих в боях с Джунаид-Ханом, ряд сцен, рисующих лагерь Джунаид-Хана, читаются с живым интересом.

Автор знает историю Средней Азии, события и людей, которых он изображает. То обстоятельство, что в нашей художественной литературе очень мало произведений о героической борьбе народов Средней Азии за свое освобождение и о той колоссальной работе, которую проводили большевики в сложнейших условиях многонациональной Средней Азии, повышает интерес к роману Чепрунова.

Тем обиднее, что роман имеет ряд существенных художественных недостатков.

Автор стремится охватить большое количество событий и действующих лиц. Большевики Чарджуя и Турткуля, младохивинцы, работающие в подполье в Хиве и находящиеся под защитой советской власти в Чарджуе, Джунаид-Хан, его приближенные, вожди туркменских родов, готовящие борьбу с Джунаид-Ханом, молодые узбеки Рахмат и Атаджан, эсеры, участвующие вместе с большевиками в обороне Турткуля и готовящие вместе с тем контрреволюционный переворот, — таков далеко не полный перечень персонажей романа.

Чепрунов мало индивидуализирует свои персонажи. Дав беглое описание внешности того или иного героя, иногда коротко сообщив его биографию, автор этим ограничивается. А многие не успевают получить даже чисто внешних паспортных признаков и известны только по фамилиям и должностям.

Подавленный обилием действующих лиц, автор недостаточно полно и убедительно развернул образы основных героев романа — Джунаид-Хана, Рахмата, Чанко.

Отрицательно сказывается на романе и то, что автор чрезвычайно робко и редко выступает с авторской речью. Чепрунов применяет, главным образом, один метод в показе героев, и в описании событий: разговоры действующих лиц.

О связи Джунаид-Хана с ашхабадским правительством и англичанами, о младохивинском подполье, о том, что происходит в лагере Джунаид-Хана, читатель узнает, главным образом, из рассказов действующих лиц, из их воспоминаний и разговоров между собой. Например, автору необходимо об'яснить, кто такие младохивинцы, какая социальная среда их питала, как они относились к Джунаид-Хану и к большевикам. Чепрунов воздерживается от того, чтобы показать это в их действиях или рассказать в авторской речи, а заставляет самих младохивинцев делать все это. Естественно, что трудно ожидать от самого младохивинца, чтобы он дал себе правильную классовую характеристику, поэтому на стр. 44 вводится некий Мадраимбай, который спешно об'ясняет Рахмату, кто такие младохивинцы, с тем, чтобы тут же бесследно исчезнуть со страниц романа.

Даже те события, в которых непосредственно участвуют действующие лица романа, зачастую происходят где-то за сценой, а потом появляется тот или иной участник событий и рассказывает о них. Приезд командующего войсками хивинского оазиса Коноплева дан в воспоминаниях Чанко. Расправа над Асфендьяром-Ханом рассказана Бекчаном. О поимке шпиона Джунаид-Хана рассказывает Атаджан и т. д. и т. п.

Автор как бы чувствует неудобство того, что у него герои, главным образом, разговаривают, что он мало раскрывает их внутренний мир, поэтому он перемежает разговоры действующих лиц короткими вставками, описывая отдельные случайные, чисто внешние жесты. Взять хотя бы сцену в комитете большевиков на стр. 76. Стенограмма того, кто что говорит, перемежается замечаниями автора о том или ином герое: «Нервно сдернул с носа очки», «Решительно поднял голову», «Молча кивнул», «Девушка кивнула головой», «Глаза Чанка зажглись гневом», «Дрошилов злобно блеснул глазами» и т. д.

Эти художественные недостатки сказались на образе основного героя романа — Джунаид-Хана. Перед автором стояла очень трудная задача дать весь сложный социальный и национальный переплет и все те противоречия, которые существовали в стане Джунаид-Хана.

Туркменская беднота сочувственно прислушивалась к тому, что делали большевики, а родовая знать, баи и ростовщики, были готовы для борьбы с большевиками итти на блок с любым белым правительством. Джунаид-Хан, собиравшийся стать полновластным туркменским ханом, вызывал недоверие и боязнь среди туркменских племен.

Несмотря на огромный численный перевес, который был у Джунаид-Хана при осаде Турткуля, осада кончилась для него поражением. Но автор только упоминает глухо и вскользь, что в войсках Джунаид-Хана растет число перебежчиков к большевикам. Чересчур бегло упоминает автор и о том недоверии, которое многие туркменские роды питали к Джунаид-Хану. Только в разговорах всадника Коммамед-Хана мы узнаем о сочувствии туркмен большевистским идеям, да в воспоминаниях Кули-Хана сказано о враждебном отношении туркмен к стремлению Джунаид-Хана стать полновластным ханом в Туркмении.

Автор дает ряд упоминаний о связях Джунаид-Хана с англичанами. Но это не мешает ему рисовать Джунаид-Хана главным образом как дикаря-басмача, который руководится жаждой власти и обогащения. Конечно и эти черты входили в характер Джунаид-Хана. Но не здесь было то главное, что сделало из него вождя туркменской контрреволюции.

Товарищ Сталин писал в 1920 г.: «В обстановке разгорающейся смертельной борьбы между пролетарской Россией и империалистической Антантой для окраин возможно лишь два выхода: **либо** вместе с Россией, и тогда — освобождение трудовых масс окраин от империалистического гнета; **либо** вместе с Антантой, и тогда — неминуемое империалистическое ярмо». («Марксизм и национально-колониальный вопрос», стр. 59). То, что Джунаид-Хан был агентом империализма, подготовлявшим империалистическое ярмо для Туркмении, автор показал недостаточно четко. Кули-Хан, являвшийся военным советником от ашхабадского белого правительства при Джунаид-Хане, через которого и осуществлялась связь Джунаид-Хана с английскими интервентами, играет в романе чрезмерно пассивную роль.

В романе встречаются языковые неудачи, свидетельствующие о том, что автору нужна была помощь грамотного и внимательного редактора. Рисуя бегство дехкан в Турткуль, автор пишет: «Вереницы арб... упрямо бились о переполненную базарную площадь».

Желая сказать, что человек говорит скучно, автор делает это так: «Слова шелестя, тянулись из его рта, нескончаемой бумажной лентой» и т. д.

Автору следовало поработать серьезнее, чтобы его большая интересная тема нашла более полноценное художественное выражение. Чепрунов располагает большим материалом и знает историю, он имеет все данные для того, чтобы мы могли пред'явить к нему требования без скидок на молодость.

«Джунаид-Хан» Б. Чепрунова. Исторический роман. Госиздат УзССР. Ташкент, 1936 г. стр. 122. Цена 2 р.

Издательство «Академия» готовит к печати **«Мелочи жизни»** **Салтыкова-Щедрина** с иллюстрациями **М. Черемных**

«СОЗВЕЗДИЕ ГОНЧИХ ПСОВ»

Новая повесть К. Паустовского

В горах Испании, у границы Франции, расположена французская обсерватория Сиерро дель Кампо.

Восемь астрономов, поглощенных исследованиями и наблюдениями, отгорожены от человеческого мира крепкими стенами обсерватории, а также нежеланием знать, что происходит за этими стенами, там внизу...

На земле происходят события, определяющие будущее человечества, а восемь астрономов с глазами и мыслями, устремленными к небу и звездам, живут в стороне от мировых событий, посвятив себя «чистой науке».

За исключением одного — астронома норвежца Ньюстэда, они не читают газет. Радио включают редко — только для проверки времени.

Но в дни, когда «низость, вооруженная пулеметами и фосгеном, начала схватку со всем лучшим, чем жило и будет жить человечество», в самом сердце этой борьбы, — на границе Франции и Испании не может быть людей безучастных.

В тихий уединенный мирок ураганом врываются отголоски гражданской войны в Испании. Глубокая тишина, царившая в обсерватории, нарушена гулом разрывающихся снарядов.

В мирное однообразие жизни уединенных людей вошла большая скорбь: французский поэт Виктор Фришар разбился во время перелета из Франции в Мадрид. Добрые астрономы подобрали умирающего героя и самоотверженно, но тщетно пытались вырвать его у смерти...

Городок, расположенный у подножья горы, на которой высится обсерватория, заняли фашисты. Им донесли, что в обсерватории скрывается французский летчик, у которого должны быть секретные бумаги. Отряд фашистов двинулся к цитадели восьми астрономов.

Ученые решили защитить своего мертвого героя и себя от вторжения фашистского отряда.

Они дали бой!

Своевременная осведомленность о приближении фашистского отряда, достаточное количество оружия и местоположение обсерватории принесли победу астрономам. Фашисты обратились в бегство. А через несколько дней отрядом басков они были выбиты из городка.

Добрый старый астроном Мэро, понявший, что «все существует для человека» и что «если исчезнут люди, то ему, сумасшедшему астроному, будет не нужно даже звездное небо», и молодой норвежец Ньюстэд покинули обсерваторию: они уехали, чтобы доставить письмо возлюбленной Фришара — в Бриэк и секретные бумаги — по назначению.

★

Новая повесть К. Паустовского выходит в ближайшие дни в Детиздате ЦК ВЛКСМ.

Литературный Киев

От нашего корреспондента

Во время юбилейных пушкинских дней правительство Советской Украины постановило соорудить в столице Украины г. Киеве памятник гениальному русскому поэту.

В настоящее время уже утвержден проект памятника, представленный харьковским скульптором А. И. Страховым.

Великий поэт изображен во весь рост с поднятой вверх рукой.

Общая высота памятника — 14 метров вместе с пьедесталом.

Фигура поэта, высотой в 5 метров, будет отлита из бронзы, а пьедестал будет сделан из серого гранита.

Открытие памятника намечено на май 1938 года.

★

Президиум Киевского Облисполкома возбудил перед украинским правительством ходатайство об открытии музея в доме, где жил А. С. Пушкин во время приездов его в с. Каменку.

★

В издательстве Академии наук УССР выходит сборник «А. С. Пушкин», подытоживающий празднование на Украине столетия со дня рождения великого поэта. Составлен сборник институтом украинской литературы им. Шевченко, редактируется он акад. В. П. Затонским, акад. П. Г. Тычиной и доктором литературоведения А. И. Белецким.

В сборнике четыре раздела: I — Пушкин и Украина, II — вопросы пушкиноведения; III — материалы и заметки, отображающие жизнь и творчество Пушкина; в четвертом разделе собраны библиографические материалы.

★

Гослитиздат Украины готовит к выпуску на украинском языке произведения Салтыкова-Щедрина.

Для того, чтобы повысить качество перевода великого русского сатирика, издательство об'явило закрытый конкурс на лучший перевод отрывков из «Истории одного города».

Конкурс встречен на Украине с большим интересом. За короткое время в жюри конкурса поступило свыше 130 рукописей — не только от профессиональных переводчиков, но и от студентов, рабочих и др. Многие переводы сделаны очень хорошо.

Победитель конкурса получит премию — в зависимости от качества своей работы — в 3 или 2 тысячи рублей. Ему будет поручено перевести всю «Историю большого города».

Жюри, в составе тт. И. Кулика, А. Любченко и Н. Терещенко, уже отобрало 20 рукописей для второго тура конкурса.

★

«Господа Головлевы» Салтыкова-Щедрина выходят в Гослитиздате Украины тиражом в 15.000 экземпляров.

★

В прошлом году, в связи с 25-летием со дня смерти великого еврейского писателя Шолом-Алейхема, киевский горсовет вынес решение установить мемориальную доску на здании по Краснофлотской улице № 5.

Теперь горсовет свое постановление выполнил: доска с надписью «В этом доме жил с 1897 г. по 1904 г. известный классик еврейской литературы Шолом-Алейхем (Ш. Рабинович)», установлена.

И. МАРКУС

А. МАКАРЕНКО

ВРЕДНАЯ ПОВЕСТЬ

У меня есть знакомый мальчуган, который умеет замечательно мило спрашивать:

— Зя что?

В этой форме об'единяются у него все виды пытливости. «Зя что» обозначает и «почему», и «отчего», и «для чего», и «с какой стати».

Вот и мне хочется спросить редакцию «Литературного современника» и Наталью Гирей: «Зя что?»

Повесть Натальи Гирей «Шестьдесят восьмая параллель», напечатанная в четвертой и пятой книгах журнала, вызывает у меня тяжелое недоумение и лишний раз возвращает к старому, давно надоевшему вопросу: до каких пор мы будем печатать что попало, до каких степеней может доходить у нас редакторская небрежность, литературная и художественная всеядность?

Только при очень большой безответственности можно печатать в журнале любую вещь, если она написана достаточно грамотно и если формально она касается темы более или менее актуальной. Как-будто редакторы не обязаны задумываться над вопросом: как подается тема, какие мысли и чувства вызывает ее разработка у читателя, насколько художественно и интересно она сделана, наконец, для чего книга написана?!

Дело происходит на строительстве нового города на севере, у залежей апатитов. Но ни новый город, ни строительство, ни апатиты не интересуют автора, отношение к ним по меньшей мере бесстрастное, если не хуже. Картины строительства нет, а его детали, разрозненные и беспорядочные, участвуют постольку, поскольку затрагивают кулацких героев повести. Картина стройки вызывает у читателя, пожалуй, даже неприятный осадок:

...«два больших серо-зеленых трансформатора. Около трансформаторов, в низких сквозных ящиках, как черепахи в зарослях, притаились черные, все в округлых линиях, моторы. Толстые провода клубками сытых ужей свернулись на солнце».

Для меня, как читателя, это неприятно. Для чего вызываются у меня эти образы черепахи и ужей, вообще образы гадов, если я хочу видеть моторы и провода? Почему автор не рисует передо мной ту радостную картину, которую я и без него чувствую в самой теме: моторы на шестьдесят восьмой параллели? Почему ужи?

Почему сама природа смотрит на меня из повести с явно недружелюбной миной:

«Над посиневшим вздувшимся льдом не слышалось ни птичьего гама, ни хлопанья птичьих крыльев. Хибинская весна удивляла Оксану своей беззвучностью.»

«Кругом серо-розовые валуны, щуплые, изуродованные ветром ели с ветвями, растущими в одну сторону. Каменистая земля. Поодаль лысые тусклые горы».

«Тлела зеленоватая, как недозрелая морошка, земля».

«Болезненный рыжий пух на горах».

«Рощи уродливой карликовой березы.»

«Внизу медленно мертвело озеро».

Вот только такие пейзажи настойчиво «залезают в душу» читателя. А читатель не хочет верить, будто этот край уж так несимпатичен. Ведь в природе можно видеть разное: один видит замерзающее озеро, а другой — «мертвеющее», один чувствует весну, а другой только ее беззвучность. Пожалуй, и к московской городской весне можно придраться: нет хлопанья птичьих крыльев!

На строительстве нового города используются раскулаченные и уголовные преступники. На фоне этой толпы автор хочет показать врага и дать картину «перековки». Враг в книге показан, я сказал бы, в избыточном количестве. В образах кулацкого «паныча» Шовковшитного, молодого инженера-электрика Гордиенко, немца Ганса Лютиха враг преподносится читателю в лошадиной дозе.

Что это за враг, насколько он опасен, к чему он стремится?

Действий врага автор почти не показывает; главная роль, которая уготована врагу, — это произнесение речей. На протяжении полутораста страниц читателю преподносятся петлюровские и фашистские речи, кулацкие стенания, страдания, мечты, бандитские сарказмы и гримасы бандитской любви. В этом и заключается все содержание книги, это и остается в памяти, и именно от этого становится тошно и не хочется дочитывать книгу до конца.

Фигура Шовковшитного создана, кажется, специально для произнесения речей и словечек. В конце повести он «перековывается», но это происходит так неубедительно и так неожиданно, что о его перековке не стоило бы и говорить. На странице 76-й Шовковшитный находится на верхней точке своего петлюровского «взлета», а на странице 93-й он уже «перековался» и изменяет своему «вдохновителю» Гордиенко, которому только недавно, семнадцать страниц назад, давал горячую и преданную клятву.

Если поверить автору и признать «перековку» Шовковшитного действительно произошедшей, то все-таки останется тайной, куда же девался настоящий Шовковшитный, этот озлобленный, наглый, разложившийся и морально отвратительный человек. Чудо его «перековки» тем более невероятно, что в повести, собственно говоря, никто и не занимался его перековкой.

Шовковшитный в повести развернуто показан до «перековки». Сначала изображается его неудачная юность, смерть его отца, его жажда мести и самая месть: покушение на убийство председателя сельсовета, а потом ссылка в «несимпатичную» хибинскую природу. Здесь Шовковшитный становится организатором всякого сопротивления труду и представителем петлюровского цинизма.

Веньке Салых, одному из самых «порядочных» кулацких сынов, добившемуся бригадирства на стройке и мечтающему о хорошей комнате и женитьбе, принадлежит авторство довольно сомнительной символической линии, проведенной через повесть.

«Горностай — царский зверь. Раньше царям на шубы шел, теперь на экспорт бьют. Очень дорогой зверь, поймать его трудно, а в клетку засадить прямо невозможно. Я пробовал. Не берет еду, только глядит жалобно так и злобно».

Таким «царским горностаем», не выносящим неволи, и выступает в повести Шовковшитный. Венька Салых всегда называет его «горносталюшкой», подчеркивая длящееся и очевидно значительное сравнение. А ближе к концу повести тот же Венька раскрывает идею сравнения до конца. У него для этого есть газетная заметка:

«Впервые в истории звероводства в Восточносибирском питомнике самка царского горностая родила в неволе... Мы стоим перед разрешением проблемы научного планирования пушного хозяйства... Состояние зверей является лучшим опровержением оппортунистических теорий о невозможности культивирования царского горностая в питомнике».

Поневоле напрашивается мысль, что вся идея книги и заключается в этом расширенном сравнении. Для Шовковшитного новое общество есть не больше, как принудительный питомник.

Шовковшитный уверен, что советской власти не удастся его переделать, но Н. Гирей показывает, что он ошибся. Его все-таки переделали, не истратив на это большой энергии.

Кто, какими путями?

Пути перековки мало показаны в повести. Здесь есть только один настоящий большевик, да и настоящий ли он, кто его знает? Кажется взгляды отсекра Геничева на процесс перековки не многим отличаются от взглядов Веньки и Шовковшитного. Первое слово, которое слышит от него Шовковшитный, такое:

— Об камень споткнешься, голову проломить себе можешь.

Геничев единолично руководит стройкой. На одной из страниц книги попадается директор, но автор так мало им интересуется, что даже не называет ни его имени, ни фамилии. И поселенцы говорят о Геничеве так:

— Никитка, он ничего — хозяйственный паренек!

И это правильно: ответственный секретарь парткома, единственный представитель советской власти и партии на стройке, Геничев есть не больше, чем хозяйственный паренек. Описывается он по старинному штампованному способу описания таких пареньков. Его соприкосновение с действительностью редко выходит за границы таких проявлений:

« — В три смены работать станем.

— Ладно, обмозгуем. Поговорю с профоргом.

— Надо подумать, как к нему подойти.»

Не удивительно, что на всем протяжении повести мы не встречаем ни политической страсти, ни человеческой теплоты, ни яркого, зовущего слова. И поэтому вся стройка читателю не кажется большевистской, не представляется большим и значительным делом.

И вот этому самому Шовковшитному, переполнившему книгу безобразными фашистскими и петлюровскими речами, автор позволяет любоваться лицом Кирова, видеть в нем «не только изображение вождя, но и карточку любимого старшего товарища». Между тем, читатель расстается с Шовковшитным с неприятным чувством настороженности, он слишком хорошо запомнил его ненависть, слишком хорошо видит его хищную фигуру.

Другой «горностай», Гордиенко, изображен не менее злобным и решительным врагом. Но Гордиенко не «перековывается». Автор неожиданно приканчивает его. Гордиенко погибает в перестрелке после неожиданного молниеносного вредительства. И от этого образа остаются почти одни разговоры и призывы.

То, что написано на стапятидесяти страницах этой повести, оставляет у читателя впечатление тяжелое.

Книга сделана настолько неудачно, с таким нарушением законов перспективы, с таким преобладанием вражеских тонов и вражеских слов, с таким завуалированным советским горизонтом, с такими подозрительными сравнениями и с такой холодностью, что при всем моем желании быть снисходительным к молодому автору я не могу быть снисходительным.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КАЛЕНДАРЬ

1862 год
Арест Чернышевского

Семьдесят пять лет назад, 19 июля 1862 г., через пять дней после ареста Писарева, Третье отделение арестовало и Чернышевского. Из всех преступлений царской охранки расправа с Чернышевским—одно из самых подлых и жестоких.

Царское правительство давно уже искало повода убрать Чернышевского, политическая и литературная деятельность которого оказывала огромное влияние на молодое поколение. За ним следили, перехватывали его письма, но обнаружить в его поведении и переписке что-либо преступное и противозаконное никак не удавалось.

В конце концов решено было пренебречь стеснительными формальностями. В одном из перехваченных писем Герцена упоминалось имя Чернышевского. Это и послужило предлогом для его ареста. Великий революционный демократ, ученый и критик был схвачен и заточен в Петропавловскую крепость.

В течение нескольких месяцев следственная комиссия безуспешно пыталась собрать обвинительный материал против Чернышевского. Три с половиной месяца его даже ни разу не допросили. Отчаявшись найти действительные улики, охранка подыскала двух лжесвидетелей. Один из них, давнишний шпион III отделения В. Костомаров, попутно изготовил и два подложных письма Чернышевского.

Несмотря на совершенно очевидную фальсификацию обвинения, сенат, после почти двухлетнего заключения Чернышевского в крепости, признал его виновным в составлении и распространении воззвания «К барским крестьянам» и в подготовке ниспровержения правительства. Вынесенный Чернышевскому приговор — 14 лет каторги — царь «милостиво» снизил наполовину.

Осуждение Чернышевского произвело огромное впечатление во всей стране. За границей бил в набат «Колокол». «Чернышевский осужден на семь лет каторжной работы и на вечно поселение, — писал Герцен. — Да падет проклятьем это безмерное злодейство на правительство, на общество, на подлую, подкупную журналистику... Она приучила правительство к убийствам военнопленных в Польше, а в России — к утверждению сентенций диких невежд сената и седых злодеев государственного совета».

В мае 1864 года Чернышевский был подвергнут обряду гражданской казни и тотчас же отправлен в Сибирь.

В 1871 году закончился семилетний срок каторжных работ. Чернышевский должен был наконец получить свободу. Но правительство не решилось освободить его. Вместо освобождения Чернышевский был переведен в вилюйский острог, где провел еще двенадцать лет. Только в 1883 году ему было разрешено поселиться в Астрахани.

1904 год
Умер Чехов

15 июля 1904 г. в Баденвейлере скончался А. П. Чехов. 22 июля тело его было привезено в Москву и похоронено в Новодевичьем монастыре.

Последний год жизни Чехов работал очень немного — не позволяла усиливавшаяся болезнь. А планов было много, каждый день придумывал новые темы и сюжеты, и сознание своего бессилия часто мучило его еще более, чем болезнь.

О. Книппер-Чехова вспоминает, как буквально за несколько часов до смерти он придумывал новый рассказ. «Необычайно модный курорт, где много сытых, жирных банкиров, здоровых, любящих хорошо поесть краснощеких англичан и американцев. И вот все они, кто с экскурсии, кто с катанья, с пешеходной прогулки, одним словом, отовсюду, собираются с мечтой хорошо и сытно поесть после физической усталости дня. И тут вдруг оказывается, что повар сбежал, и ужина никакого нет, — и вот как этот удар по желудку отразился на всех этих избалованных людях».

«Я сидела, — рассказывает О. Л. Книппер-Чехова, — прикурнувши на диване после тревоги последних дней и от души смеялась. И в голову не могло притти, что через несколько часов я буду стоять перед телом Чехова!..».

Не безынтересно сейчас вспомнить, что в последний год жизни Чехов предполагал написать пьесу, герои которой отправляются на Северный полюс.

К. С. Станиславский, с которым Чехов обычно делился своими драматургическими планами, рассказывает: «Сам он мечтал о новой пьесе, совершенно нового для него направления. Действительно, сюжет задуманной им пьесы был, как будто бы, не чеховский... Два друга, оба молодые, любят одну и ту же женщину. Общая любовь и ревность создают сложные взаимоотношения. Кончается тем, что оба они уезжают в экспедицию на Северный полюс. Декорация последнего действия изображает громадный корабль, запертый во льдах...».

Маяковский—детям

...«Что за лошадь,
что за конь —
горячей, чем огонь!
Хоть вперед,
хоть назад,
хочешь — в рысь,
хочешь — в скок.
Голубые глаза,
в желтых яблоках бок.
Взнуздан
и оседлан он,
крепко сбруей оплетен.
На спину сплетенному —
помогай Буденному!»

Эти строки из стихотворения Маяковского «Конь — огонь» художник Натан Альтман воспроизвел на обложке его книги «Детям».

В ней собраны замечательные вещи: «Что такое хорошо, что такое плохо», «Эта книжка моя про моря и про маяк», «История Власа лентяя и лоботряса», «Кем быть» и др.

Натан Альтман мастерски проиллюстрировал некоторые из этих вещей. Особенно удалась ему картинка к стихотворению «Что ни страница, то слон, то львица». На большой картинке за зеленым сукном стола важно восседает лев.

«Он теперь не царь зверья,
Просто председатель».

Рядом с ним — неведомые детям серые, худенькие зверьки.

«Этот зверь зовется лама.
Лама — дочь
и лама — мама».

По столу разгуливают «маленький пеликан и пеликан-великан». А в сторонке скромно стоит кенгуру.

«Кенгуру.
Смешная очень.
Руки вдвое короче.
Но за это
у ней
ноги вдвое длинней».

Спиной к ней чинно уселись слоны — слон, слониха и слоненок.

«Двух- и трехэтажный рост,
с блюдо уха оба,
впереди на морде хвост
под названием «хобот»...

Простые, так легко запоминающиеся строчки, изображенные к тому же рядом на рисунке помогут детям усвоить прекрасные стихи Маяковского.

Выпуск книги Маяковского, совпадающий с днем рождения талантливейшего поэта нашей советской эпохи — 19 июля, будет с радостью встречен юными читателями.

Е. КОСТРОВА

Навстречу XX годовщине Великой пролетарской революции

ПЬЕСЫ

В предстоящие дни праздника 20-летия Великой социалистической революции столичные и периферийные театры Советского Союза должны показать новые постановки, которые отразили бы революционную борьбу трудящихся, величие нашей советской эпохи, показали бы нового человека.

Для того, чтобы обеспечить театры соответствующим репертуаром, издательство «Искусство» выпускает произведения советских драматургов.

Будут изданы пьесы: **К. Тренева — «На берегу Невы», Вс. Иванова — «Голуби видят уходящие крейсера», А. Корнейчука — «Правда», В. Каверина — «Актеры», Н. Никитина — «Баку», Евг. Пермяка — «Лес шумит», Л. Леонова — «Половчанские сады», Н. Вирта — «Земля», Ю. Яновского — «Дума о Британке», В. Билль-Белоцерковского — «Пограничники», Л. Никулина — «Порт-Артур»** и другие.

Каждая из этих пьес выпускается: на стеклографе — тиражом в 1.000 экземпляров и печатным способом, в серийном оформлении — тиражом в 10—15 тысяч экземпляров.

КНИГИ ЛЕНГОСЛИТИЗДАТА

В плане изданий Ленгослитиздата к 20-й годовщине Великой пролетарской революции значительную часть занимают **юбилейные сборники и альманахи,** в том числе сборник, посвященный С. М. Кирову. В него войдут лучшие поэтические произведения и воспоминания рабочих о Сергее Мироновиче.

★

Для сборника рассказов о Великой социалистической революции издательство с нетерпением ждет произведения К. Федина, М. Зощенко, М. Слонимского, Л. Соболева, Л. Рахманова, С. Марвича, Ю. Березина, Н. Чуковского, Н. Никитина, В. Тоболякова и др., которые пишутся по инициативе журнала «Литературный современник» и должны быть представлены авторами к 1-му августа.

★

Сдан в производство **альманах молодых писателей** — 10 прозаиков и 15 поэтов, участников литературного конкурса в Ленинграде во время смотра народного творчества в 1936 году. Об этом конкурсе говорил т. А. А. Жданов на Чрезвычайном VIII всесоюзном с'езде советов.

Отдел прозы в альманахе редактирует М. Зощенко, редактор поэтического отдела — А. Прокофьев.

★

Ленгослитиздат провел **конкурс на оригинальные произведения среди студентов Института Севера.**

Многие из представленных на конкурс стихов и рассказов, в сущности, начинают художественную литературу некоторых северных народностей.

Лучшие произведения молодых авторов выйдут к двадцатилетию Великой пролетарской революции отдельными изданиями на национальных языках. Сборник этих же произведений выйдет на русском языке.

«ВОЙНА ЧЕЛОВЕКА С ВОДОЙ»

Таджикский писатель **Садретдин Айни** закончил поэму-очерк о Вахше —«Война человека с водой», написанную в стиле знаменитого произведения великого иранского поэта Фирдоуси «Шахнамэ».

С. Айни для своей поэмы изучал исторические материалы, пользуясь индийскими и арабскими источниками.

Поэма о торжествующей победе большевиков над стихией, о социалистическом строительстве в долине Вахша посвящается двадцатилетию Великой пролетарской революции.

«В колхозной чайхане» — картина худ. **Хамдами Бахрам.** (Выставка произведений художников Узбекистана).

Заветы Белинского

(К 90-летию письма к Гоголю — 15 июля 1847 г.)

На протяжении почти всего XIX столетия трудно найти другой литературный документ, который оказал бы столь же большое влияние на развитие общественной мысли и демократического движения в России, как знаменитое письмо Белинского к Гоголю по поводу «Избранных мест из переписки с друзьями».

Письмо это не предназначалось ни для печати, ни для широкого распространения. И тем не менее оно открыло собою эпоху демократической публицистики в России.

В одном из писем 1859 года И. С. Аксаков, ставший к тому времени ожесточенным идейным врагом Белинского, писал: «Я встречал многих учителей провинциальных гимназий, у которых знаменитое письмо Белинского к Гоголю лежит, будто Евангелие».

Письмо к Гоголю именно потому было так воспринято новым поколением, что Белинский решительно порывал в нем с бесплодными идеалистическими исканиями тридцатых и сороковых годов и направлял мысль и энергию общества на путь практического служения народу и политической борьбы за его освобождение.

Беспредельно возмущенный выступлением Гоголя, Белинский писал ему: «Вы не заметили, что Россия видит свое спасение не в мистицизме, не в аскетизме, не в пиэтизме, а в успехах цивилизации, просвещения, гуманности. Ей нужны не проповеди (довольно она слышала их!), не молитвы (довольно она твердила их!), а пробуждение в народе чувства человеческого достоинства, столько веков потерянного в грязи и соре, права и законы, сообразные не с учением церкви, а с здравым смыслом и справедливостью».

Возмущает Белинского и проповедуемое Гоголем смирение; оно отзывается, по его мнению, «самым позорным унижением своего человеческого достоинства».

В противовес этой проповеди смирения Белинский выдвигает чисто политическую программу: «Самые живые, современные, национальные вопросы в России теперь: уничтожение крепостного права, отменение телесного наказания, введение по возможности строгого исполнения тех законов, которые уже есть».

Это не революционная программа. Это лишь самые необходимые, первоочередные коренные реформы. Но для николаевской России такие реформы были равнозначащи революции.

Голос Белинского, вдохновлявший революционеров-разночинцев на борьбу с самодержавием, крепостничеством и духовным мракобесием, продолжал звучать так же громко и для новых общественных сил, выступивших на арену русской жизни.

Пролетариат, возглавивший все освободительно-демократическое движение в России, воспринял заветы Белинского как чаяния широчайших народных масс, от имени которых и во имя которых величайший русский критик-публицист всю свою жизнь отдал поискам правды и борьбе за справедливость. И знаменитое его письмо к Гоголю, в котором он как бы подвел итоги своей жизни, навсегда останется одним из самых замечательных памятников русского освободительного движения, названным Лениным «одним из лучших произведений бесцензурной демократической печати».

«Последний имам»

Писатель Чечено-Ингушетии **Х. М. Яхшаатов** пишет исторический роман «Последний имам» и одновременно пьесу — по материалам революционных событий и гражданской войны в Чечне. Роман и пьеса охватывают период с 1917 по 1920 год. Тема произведений — борьба чеченской бедноты за советы под руководством грозненского пролетариата. Автор вскрывает контрреволюционную сущность «Северокавказского эмирства» во главе с князем Арсанукаевым-Дышнинским и показывает разгром врага и торжество советской власти в Чечне.

Накануне юбилея Шота Руставели

Правление ССП БССР только на-днях **выделило специальную комиссию по подготовке к юбилею Шота Руставели.**

Комиссии предложено форсировать подготовку к юбилею, в частности —перевод отдельных частей поэмы Руставели «Витязь в тигровой шкуре» на белорусский и еврейский языки.

✵

Институт Востоковедения в Ленинграде впервые составил научное описание восьми списков поэмы, хранящихся в институте и в публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина.

В ленинградских списках **обнаружено больше 50 строф,** представляющих выдержки из очень древних рукописей поэмы.

Научное описание рукописей подготовлено к печати.

✵

Народный поэт Абхазии Д. Гулия заканчивает перевод на абхазский язык двух глав из поэмы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре».

✵

Профессор В. Котетишвили подготовил к печати **исследование народных сказаний о Тариэле,** которые, по утверждению автора, легли в основу поэмы «Витязь в тигровой шкуре». Проф. Котетишвили, изучивший около 120 вариантов сказания о Тариэле, приходит к заключению, что народные версии сказания относятся к глубокой древности.

Книга выйдет к юбилею в издании Тбилисского университета.

✵

Арменизат выпускает поэму Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре» в переводе Т. Асабура.

Массовым тиражом будет выпущен **портрет** Руставели работы художника Хачванкяна.

В журналах «Тракан Тарте» и «Гракануйтюн» печатаются произведения Руставели и статьи о его творчестве.

✵

Союз советских писателей Киргизии организовал краткосрочные курсы по подготовке лекторов и беседчиков о творчестве Руставели.

О жизни и творчестве величайшего народного поэта Грузин готовится **массовая брошюра.**

«Старые традиции»

На активе Академии Наук УССР

КИЕВ. (Наш корр.). На собрании актива Академии наук УССР **резкой критике была подвергнута работа института украинской литературы им. Шевченко.**

— Неладно обстоит дело с академическим изданием произведений Т. Г. Шевченко, — заявил в своем выступлении научный работник института т. Коваль.

В институте остались еще старые традиции. Господствует кустарщина, отсутствует индивидуальная ответственность.

До сих пор Украина не имеет полного издания произведений Шевченко, очищенного от фальсификации его националистами и прочей мразью.

Издание Шевченко в отдельных случаях ведется безответственно.

Например в стихах «Рай на землі» «случайно» выпали 22 строки сугубо политического характера. Немало искажений и в тексте произведений Шевченко.

Происходит это потому, что поэт академик Тычина, доктор литературы проф. Билецкий и поэт И. Кулик **самоустранились** от этой важнейшей работы.

О недостаточном внимании президиума Академии наук УССР к вопросам развития украинской литературы, украинского языка говорили научный работник института языковедения т. Бабак и др. Говорилось и о том, что президиум академии не занимается в должной мере вопросами, связанными с развитием украинской литературы.

Иллюстрация XVIII и XIX вв.

Изогиз выпускает книгу **К. С. Кузьминского** «Русская реалистическая иллюстрация XVIII и XIX вв». В ней автор рассказывает, между прочим, о влиянии великих писателей-реалистов на книжную графику.

В частности К. С. Кузьминский дает много примеров того, как замечательное реалистическое мастерство Гоголя влияло на русское графическое искусство.

«Литературные портреты Собакевича, Ноздрева, Коробочки, Плюшкина, несмотря на крайнюю лаконичность, позволили Агину, Соколову, Репину и многим другим художникам дать настолько близкое изображение гоголевских героев, что их можно заподозрить в заимствовании друг у друга».

Такое сходство об'ясняется исключительно влиянием гоголевского текста.

✵

Первый русский иллюстратор-реалист 40-х годов пр. в. — Тимм (1820—1895 г.) — с необыкновенной быстротой сотнями выпускал свои иллюстрации, будучи виртуозом-рисовальщиком. Главная его тема — мелочи будней. Но свои иллюстрации он делал к произведениям, не отличавшимся высокими качествами и теперь в большинстве своем забытым.

Несравненно большую роль в истории русской графики сыграл Агин, являющийся, как и Тимм, учеником Брюллова.

Не менее двадцати иллюстраций поместил Агин в пушкинской «Литературной газете».

В 1845 году вышел в роскошном издании с иллюстрациями «Тарантас» Соллогуба. Большинство исследователей предполагало, что эти иллюстрации принадлежат Гагарину, тем более, что сам Соллогуб в своих воспоминаниях (1887 г.) указывал, что «Тарантас» был написан «текстом к рисункам Гагарина».

Только сейчас удалось установить, что, за исключением отдельных картинок, не имеющих прямого отношения к тексту и действительно принадлежащих Гагарину, большая часть иллюстраций к «Тарантасу» сделана Агиным.

Среди иллюстраций к «Тарантасу» Агиным была помещена едкая карикатура на Фадея Булгарина, который представлен в виде фигляра, пляшущего на куче сочинений современных французских писателей.

Колоссальную популярность принесли Агину его иллюстрации к «Мертвым душам» Гоголя.

✵

Расцвету русской литературы в 60-е—70-е годы соответствовал, с некоторым опозданием, и расцвет русской живописи.

Появление таких художников, как Крамской, Ге, Мясоедов, Репин, Суриков, Серов, вызвано влиянием на живопись реалистической литературы того времени.

В. В. Стасов, энергично защищавший реалистическое изоискусство, находит его истоки в тогдашней русской литературе. Именно в это время появился ряд иллюстраций к крупнейшим произведениям русских писателей.

Художники Крамской, Репин, Соколов, Трутовский, Башилов, Боклевский иллюстрировали произведения Салтыкова-Щедрина, Грибоедова, Гоголя, Крылова, Л. Толстого, И. С. Тургенева и Достоевского.

Художник Трутовский, занимавшийся главным образом графикой, прославился своими иллюстрациями к басням Крылова, которые в большинстве носили яркий сатирический и злободневный характер.

✵

Выпускаемая книга—первая часть работы по истории русской графики, доведенная до начала нашего столетия.

С. Т.

Н. АШУКИН

О словарях

В одной из своих статей Анатоль Франс рассказывал: «Когда Бодлер, юный и неизвестный, впервые пришел к Теофилю Готье, прославленный мэтр парнасцев, приняв его, спросил:

— Читаете ли вы словари?»

Бодлер ответил, что читает их с удовольствием. Поэтому ему был оказан хороший прием. «Готье,— поясняет Франс, — проглотивший бесчисленное количество словарей и справочников по искусствам и ремеслам, считал недостойным права на существование всякого поэта или прозаика, который не получает удовольствия, читая словари и толковники. Он любил слова и знал их много».

«Для писателя-художника,— пишет М. Горький,— необходимо широкое знакомство со всем запасом слов богатейшего нашего словаря и необходимо умение выбирать из него наиболее точные, ясные и сильные слова».

Изучение языка — основа техники литературной работы. Писатель — пламенный словолюб, тонкий знаток великого множества слов. Это знание слов, чувство всего многообразия их оттенков писатель приобретает путем неустанного изучения языка — книжного и живой речи. Писатели, создавшие свой язык, свой стиль, были страстными словолюбами, неутомимыми собирателями сокровищ живой и книжной речи. Словари, справочники и собственные записи красочных слов, метких выражений или специальных терминов—необходимая аппаратура их творческих лабораторий.

В библиотеке Пушкина был целый ряд словарей и справочников, и поэт часто заглядывал в них. Для уяснения производства слов Пушкин, как свидетельствует одно из его писем к Вяземскому (1835 г.), обращался к этимологическому лексикону Рейфа, по поводу которого высказал мысль: «А право, не худо бы взяться за лексикон, или хоть за критику лексиконов».

Гоголь еще на школьной скамье собирал материалы для словаря украинского языка, а с переездом в Петербург, прислушиваясь к живой речи русского народа, он принялся за составление «Сборника слов старинных и мало употребительных». Этот сборник, над которым Гоголь трудился в продолжение многих лет, говорит о том, что он внимательно изучал этимологический лексикон Рейфа и «Словарь церковно-славянского и русского языка», изданный в 1847 году Академией наук. Помимо книжных источников Гоголь черпал материал и непосредственно из потока живой речи. Его записные книжки наполнены записями разговоров крестьян, пословиц, терминами разных специальностей. «Гоголь,—вспоминает П. Анненков, — мог проводить целые часы с любым коннозаводчиком, фабрикантом, с мастеровым, излагающим глубочайшие тонкости игры в бабки, со всяким специальным человеком, который далее своей специальности ничего не знает». От охотника он узнавал названия пород собак, от картежного игрока — термины игры в банк, от плотника — термины его ремесла и т. п.

«Прежде чем примусь серьезно за перо,— писал Гоголь в 1847 году Плетневу,— хочу назвучаться русскими звуками и речью. Боюсь нагрешить противу русского языка». Изучение живой речи шло у Гоголя параллельно с пристальным изучением словарей. Анненков, писавший под диктовку Гоголя «Мертвые души», рассказывает: «Помню, например, что, передавая ему написанную фразу, я вместо продиктованного им слова «щекатурка» употребил «штукатурка». Гоголь остановился и спросил: «Отчего так?» — «Да правильнее, кажется». Гоголь побежал к книжным шкафам своим, вынул оттуда какой-то лексикон, приискал немецкий корень слова, русскую его передачу и, тщательно обследовав все доводы, закрыл книгу и, поставив опять на место, сказал: «А за науку спасибо».

Гоголь мечтал даже напечатать «Об'яснительный словарь великорусского языка». В сохранившемся наброске об'явления об издании этого словаря он писал: «В продолжение многих лет занимаясь русским языком, поражаясь более и более меткостью и разумом слов его, я убеждался более и более в существенной необходимости такого об'яснительного словаря, который бы выставил, так сказать, лицом русское слово в его прямом значении, осветил бы ощутительней его достоинство, как часто незамечаемое, и обнаружил бы отчасти самое происхождение».

Некрасов точно так же записывал услышанные им меткие слова и выражения, жадно впитывая все оттенки живых говоров. «Он был очень любопытен, — вспоминал о нем охотник, крестьянин, — всех обо всем расспросит и запишет в книжечку. Бывало идет, идет, калякает, вдруг откуда у него ни возьмись карандаш, книжка. Остановится и начнет писать что-то. Дивимся, а ему хоть бы что, пишет себе, а потом скажет: «Марш дальше». Идем, а он все велит нам говорить про то, про се, а сам молчит, слушает, потом опять остановится и начнет чиркать по книжке. Что, мол это, — спросим его, он и молвит:

— Ты, милейший мой, побольше таких слов сказывай: хорошие слова, брат, редки, как золото на земле».

О необходимости разработки словесной руды, о поисках слов, ярких, как драгоценные самоцветы, об очищении языка от «паразитивного хлама» неустанно повторял в своих статьях о литературе Горький. «В числе грандиозных задач создания новой социалистической культуры, — писал он,—перед нами поставлена и задача организации языка, очищения его от паразитивного хлама. Именно к этому сводится одна из главнейших задач нашей советской литературы. Неоспоримая ценность дореволюционной литературы в том, что, начиная с Пушкина, наши классики отобрали из речевого хаоса наиболее точные, яркие, веские слова и создали тот «великий прекрасный язык», служить дальнейшему развитию которого Тургенев умолял Льва Толстого... Борьба за чистоту, за смысловую точность, за остроту языка есть борьба за орудие культуры. Чем острее это орудие, чем более точно направлено, тем оно победоноснее».

Горький с грустью отмечал искажение русской речи, засаривание ее вульгаризмами, местными речениями, обессмысленными словами, пошлыми образцами «словотворчества», как, например, «катись колбаской», «дать пять» и т. д. Он горячо протестовал против введения в литературный язык таких слов, как «скокулязило», «вычикурдывать», «небо забураманило», с возмущением взыскательного художника он отмечал неточности и небрежности в языке молодых писателей. Приведя фразу: «Бренчит пролетка запоздалым цоком», Горький говорит, что это пишет человек, у которого «нет ясного представления о звуках: он не понимает, что бренчать и цокать пролетка не может, что цокают подковы лошади, а не пролетка».

«Он щелкнул щиколоткой калитки» пишет прозаик, не различая смысла слов щиколотка и щеколда». Что значит, спрашивает Горький, фраза: «Довольно ответственно заявила»? Можно ли писать «теплилась ехидца»? — «ехидство» от ехидный, змеи. Змея — холоднокровна. Подумайте: уместно ли здесь словечко — «теплиться»?

«Молодые писатели, — с грустью заключал Горький,— ничего, кроме газет, не читают и, оглушенные сухим треском языка статей газетных, не слышат звуковых капризов языка живой речи».

Об очистке русского языка, о порче его газетами писал В. И. Ленин: «Русский язык мы портим. Иностранные слова употребляем без надобности. Употребляем их неправильно. К чему говорить «дефекты», когда можно сказать недочеты или недостатки или пробелы?

Конечно, когда человек, недавно научившийся читать вообще и особенно читать газеты, принимается усердно читать их, он невольно усваивает газетные обороты речи. Именно газетный язык у нас однако тоже начинает портиться. Если недавно научившемуся читать простительно употреблять, как новинку, иностранные слова, то литераторам простить этого нельзя. Не пора ли нам об'явить войну употреблению иностранных слов без надобности?

Сознаюсь, что если меня употребление иностранных слов без надобности озлобляет (ибо это затрудняет наше влияние на массу), то некоторые ошибки пишущих в газетах совсем уже могут вывести из себя». Приведя, как пример, слово «будировать», неправильно употребляемое в смысле возбуждать, тормошить, будить, тогда как оно значит сердиться, дуться, Ленин заканчивает заметку вопросом: «Не пора ли об'явить войну коверканью русского языка?» (В. И. Ленин. Сочинения, издание III, т. XXIV, стр. 662).

Сам Ленин, язык которого отличается ясностью и точностью, внимательно просматривал словарь Даля, чтобы в своих статьях и речах быть более понятным самым широким массам.

Ленину же принадлежит мысль об издании нового толкового словаря современного русского литературного языка. Осуществление задуманного Лениным издания начато только в 1935 году Государственным институтом «Советская энциклопедия». Это—«Толковый словарь русского языка» под редакцией проф. Д. Н. Ушакова в трех томах. К сожалению, чрезвычайно нужный словарь этот издается с исключительной медлительностью.

Еще с большей медлительностью выходил «Словарь русского языка», предпринятый Академией наук еще в 90-х годах прошлого века, так и оставшийся незаконченным. К последним же выпускам нового издания этого словаря приложили руку троцкисты, приводя в нем в качестве примеров цитаты из контрреволюционной литературы.

Совсем недавно Гослитиздат переиздал фототипическим способом второе издание словаря Даля (1880—1882 г.). Но переиздание этого памятника русской лексикографии только отчасти удовлетворяет читателя. Во-первых, основной массив словаря Даля составляет разговорная речь — язык крестьянский и буржуазное просторечие, во-вторых, при всех своих исключительных достоинствах словарь этот не может служить практическим справочником по русскому языку, так как имеет ряд существенных недостатков, обусловленных неверной и реакционной концепцией литературного языка, которую защищал Даль. Например, в свой словарь Даль включил много слов, им самим сочиненных, которыми он предлагал заменить слова иностранные, прочно укоренившиеся в русском языке, — вместо «атмосфера» — «колоземица», вместо «гимнастика» — «ловкосилие» и т. п.

Попытку дополнить и исправить словарь Даля сделал известный лингвист Бодуэн де Куртенэ. Но и в дополненном виде словарь в настоящее время не может служить надежным справочником. Бодуэн де Куртенэ, пользовавшийся репутацией левого, либерала, внес в дополнения много неверных толкований, обусловленных его позицией либерала, например, об'яснения политических терминов, слов, вошедших в русскую речь после 1905 года. Словарь Даля под редакцией Бодуэн де Куртенэ выдержал два издания (последнее в 1912 году), но издание это давно распродано. К числу библиографических редкостей принадлежат и старые издания словаря русского языка, составленного Академией наук, и вышедшие в 1794, в 1806—1822 и в 1847 годах.

До сих пор у нас не издано нового подробного словаря синонимов, если не считать вышедший в 1931 году «Учебный словарь синонимов русского литературного языка», составленный Павловым-Шишкиным и Стефановским.

До сих пор не издан такой необходимейший справочник, как полный орфографический словарь, поэтому в орфографии у нас полный разнобой, и чуть ли не каждое издательство печатает книги по своей орфографии.

«Словарь иностранных слов, вошедших в русский язык», изданный в 1933 году и быстро распроданный, до сих пор не переиздавался.

Наконец, до сих пор не издан однотомный энциклопедический словарь типа словарей Павленкова и французского так называемого «Малый Лярус».

Таким образом молодой советский писатель на вопрос «Читаете ли вы словари?» с некоторым правом может ответить:

— Читал бы охотно, но их у нас почти нет.

«Летчики»

В издательстве «Авиационной газеты» готовится к печати книга о летчиках гражданского воздушного флота «Летчики».

В этой книге наряду с очерками о русской авиационной старине, о пилотах, летавших на фарманах — «летающих этажерках», как их тогда называли, будут показаны люди советской гражданской авиации, летчики «миллионеры», налетавшие по миллиону и больше километров, «горные» летчики, пилоты-агитаторы, работающие в эскадрилье им. Горького, летчики-дальневосточники, осваивающие новые трассы.

В сборнике будет рассказано также о пилотах-педагогах, воспитывающих молодую летную смену, и описаны отдельные эпизоды из жизни наших героев-летчиков: спасение самолетами рыбаков, помощь экспедициям, отрезанным обвалами в горах, случаи из летной жизни Героев Советского Союза и т. д.

СТИФ

Вечера В. В. Маяковского в ЦПКиО им. Горького

На культбазе Центрального парка культуры и отдыха им. Горького **13** июля состоялся вечер художественного чтения, посвященный творчеству В. В. Маяковского, в исполнении самодеятельного коллектива чтецов ЦПКиО.

19 июля — в день рождения В. В. Маяковского — на культбазе состоится вечер его памяти при участии Л. В. Маяковской, О. Брика, Б. Ф. Малкина, В. Яхонтова, Койранской и бригады Маяковского.

Ответственный редактор Л. М. СУБОЦКИЙ.
ИЗДАТЕЛЬ: Журнально-газетное об'единение.

РЕДАКЦИЯ: Москва, Сретенка, Последний пер., д. 26, тел. 69-61.
Издательство: Москва, Страстной бул., 11, тел. 4-68-18 и 5-51-69.

Уполномоченный Главлита № В—29609.

Типография газ. «За индустриализацию», Москва, Цветной бульвар, 30.